

ЖЕРТВЫ СТАЛЬНЫХ ГРОЗ

Пленные и погибшие генералы
Российской императорской армии.
1914–1917

Асташев А.В.

Баумгартен Л.Н.

Беймельбург А.С.

Бельгард В.К.

Бобырь Н.П.

Богацкий А.И.

Дружинин К.И.

Ефремов В.П.

Зайцев В.В.

Зелинский В.П.

Илинский С.П.

Козлов А.А.

Лопухин Д.А.

Малиновский А.М.

Мальм В.В.

Мандрыка М.Г.

Мартос Н.Н.

Мартынов Е.И.

Прасалов В.П.

Преженцов А.Б.

Пфейфер Д.Н.

Ремезов Н.М.

Розеншильд
фон Паулин А.Н.

Сайчук А.С.

Фолимонов В.Н.

Фитингоф Е.Э.

Фок Я.А.

Фредерикс Л.А.

Фрезе А.А.

Хабаров М.Ф.

Булгаков П. И.

Ванновский С. П.

Веневитинов Г. И.

Гартунг Л. Ф.

Гобято Л. Н.

Ден А. А., фон

Кольшмидт В. Б.

Корнилов Л. Г.

Клюев Н. А.

Крюков Г. В.

Лагунов П. П.

Лилиенталь Г. Г.

Мартынов З. А.

Мачуговский Н. И.

Мингин И. Ф.

Мирбах Н. Н.

Орлов А. В.

Пестич Е. Ф.

Соколов С. П.

Соколовский И. Н.

Ставровский К. Н.

Токарев В. Н.

Усачев А. Я.

Федченко Д. Д.

Хольмсен И. А.

Чеботарев П. Г.

Чижов М. И.

Шемякин К. Я.

Шрейдер М. Д.

Содержание

Введение	9
1. 1914–1917 гг.	21
Июль – август 1914 г.	21
Осень 1914 г.	63
1915 г.	67
1916 г.	106
1917 г.	111
2. Путь в плен в 1914–1915 гг.	116
3. Пребывание в плену	131
Правовое регулирование пребывания в плену офицеров. Условия их размещения в лагерях. Жалованье	131
Самоуправление в лагерях военнопленных. Жалобы на действия лагерной администрации. Переводы из лагерей. Дисциплина	140
Сбор военно-исторических материалов. Переписка	149
Национальные проекты	161
Визиты сестер милосердия З.Н. Ключевой и А. де Витт в лагеря военнопленных	171
Расследование деятельности русских войск на территории Германии и попытки предъявить обвинения в совершении военных преступлений пленным русским генералам	177
Сбор информации у пленных генералов: беседы, опросы, осведомители	179
Обмены	184
Случаи смерти генералов в плену. Побег из плена	192
Отношение к пленным генералам русского правительства, военного командования и противника. Межличностные отношения. Оценки генеральского поведения пленными офицерами и союзниками	195
Возвращение из плена. Дальнейшая судьба	207

4. Биографии	217
Заключение	428
Приложения	444
Приложение 1. Биография генерала Н.А. Клюева как иллюстрация «небоеспособности» части русской военной элиты	444
Приложение 2. Пленные генералы в мировых войнах (на примерах генералитета РИА и РККА): опыт исторического исследования и сравнительного анализа	458
Приложение 3. Список генералов русской армии, попавших в плен и погибших в 1914–1917 гг.	468
Приложение 4. Список командного состава 2-й армии к 13 августа 1914 г. ..	473
Приложение 5. Список командного состава XX армейского корпуса к 25 января 1915 г.	476
Приложение 6. Список командного состава Новогеоргиевской крепости к 26 июля 1915 г.	477
Приложение 7. Возраст пленных и погибших генералов (полных лет на момент гибели или попадания в плен)	478
Приложение 8. Должность на момент гибели или пленения	480
Приложение 9. Потери пленными и убитыми по операциям 1914–1917 гг. ..	482
Приложение 10. Происхождение пленных и погибших генералов	483
 Примечания	 484
Список сокращений	518

Введение

В 2010 г. вышла в свет наша первая книга о генералах Российской императорской армии, попавших в неприятельский плен в период Первой мировой войны 1914–1917 гг.¹ Несмотря на некоторые отмеченные благожелательными коллегами недочеты, она была довольно благосклонно принята заинтересованными читателями. В планы автора входило издание следующей монографии, посвященной судьбам представителей российского генералитета, погибших в боях той войны. Однако ряд обстоятельств послужил основанием для подготовки работы, являющейся существенно расширенным переизданием книги о пленных генералах, объединенной с рассказом об их погибших товарищах. Обстоятельства эти таковы: во-первых, с момента выхода в свет книги в распоряжении автора оказался немалый архивный и мемуарный массив информации (подробно описанный ниже), позволяющий существенно уточнить личностные характеристики пленных генералов, подробности боевых действий, в ходе которых они попали в плен, немаловажные факты их жизни в плену и, что не менее ценно, послевоенные биографии еще нескольких пленных генералов и, таким образом, уменьшить число тех лиц, чьи судьбы остаются неизвестными. Во-вторых, в процессе исторического исследования нам стало ясно, что сравнительно небольшое число российских генералов, погибших в боях в 1914–1918 гг., не позволит свести всю информацию о них в сколько-нибудь подробную монографию, и, следовательно, гораздо нагляднее будет дополнить описанием обстоятельств гибели генералов первую часть новой книги, а их биографиями – вторую. Переработав в таком русле первоначальный текст, мы взяли на себя смелость попытаться сжато рассмотреть проблематику плена представителей генералитета в контексте военной истории России с момента возникновения регулярной армии до окончания Второй мировой войны, а именно выяснить точное количество русских генералов, попавших в плен к различным неприятелям за 245 лет истории русской регулярной армии (благо, что его несложно выявить), сравнить условия пребывания генералов в плену в разные эпохи, а также узнать подробности возвращения из плена, в том числе правовые последствия нахождения в плену. Кроме того, имея в своем распоряжении довольно богатый материал, мы посчитали оправданным и даже необходимым попытаться оценить (в отличие от первого издания), насколько неизбежным с точки зрения конкретной боевой обстановки было попадание в плен генералов и (особенно) была ли неотвратима добровольная сдача в плен военачальников во главе предводительствуемых ими соединений.

¹ *Гущин Ф.А., Жебровский С.С. Пленные генералы Российской императорской армии, 1914–1917. М., 2010.*

Речь в нашем исследовании, как и в первом издании, пойдет о генералах, состоявших на действительной службе в русской армии, погибших и оказавшихся в плену у неприятеля в ходе боевых действий, а также интернированных с началом войны на территории враждебных держав. Принимались во внимание и те русские офицеры, которым генеральский чин был присвоен уже после их пленения; однако мы не учитывали тех лиц, кто удостоился посмертного производства в генералы, то есть тех, кого гибель в бою застала в полковничьем чине.

Не будет преувеличением сказать, что в течение десяти лет, истекших с момента выхода в свет первого издания книги о пленных генералах, наши исследования избранной темы не прекращались ни на день. По иронии судьбы буквально спустя несколько дней после получения книги из типографии нам были сообщены сведения о послевоенной судьбе генерала К.Н. Ставровского, что немало огорчило соавторов, так как в период подготовки к изданию для нас на вес золота была любая информация именно о послевоенной жизни возвратившихся из плена генералов. Чуть позже благодаря нашим друзьям, О.В. Чистякову и Н.А. Кузнецову, мы узнали еще о двух интернированных в начале войны генералах: П.А. Артемьеве и Л.Н. Баумгартене, а также о захваченном в начале 1917 г. на русском транспорте генерале М.К. Боровском. Материалы об этих лицах были нами обнаружены в РГВИА и РГАВМФ.

Знакомство со справочником нашего друга и коллеги А.В. Ганина¹ принесло неизвестную нам ранее информацию о службе в Красной армии генерала Г.Г. Лилиенталя, а появление в библиотеке Дома русского зарубежья им. А. Солженицына малоизвестных мемуаров генерала М.М. Георгиевича позволило узнать подробности капитуляции крепости Моонзунд и, как следствие, обстоятельства пленения генералов Ф.М. Иванова и З.А. Мартынова^{II}. Несмотря на несомненную новизну, это были все же незначительные штрихи к нашей работе.

Однако вскоре не замедлило появиться обстоятельство, сделавшее необходимым второе издание книги. Им стал наш доступ к материалам нескольких архивов, в которых нам посчастливилось получить копии воспоминаний как ряда самих пленных генералов, так и их сослуживцев. Из числа таких воспоминаний пленных генералов в первую очередь следует отметить три редакции «Очерка о действиях XV армейского корпуса», составленные генералом Н.А. Мартосом и различающиеся по содержанию, причем две из них (одна печатная, другая рукописная) находятся в Фонде генерала Н.Н. Головина, содержащемся в Архиве Гуверовского института, а третья (печатная) — в Фонде генерала Чернавина^{III}, хранящемся в ГА РФ. Крайне интересно письмо Н.Н. Мартоса бывшему подчиненному П.Н. Богдановичу^{IV}, описывающее горькую одиссею пленников, причем особо любопытны подробности жизни вернувшихся из плена на территориях, контролировавшихся белыми армиями на юге России. В том же Фонде генерала Н.Н. Головина (*Hoover Institution Archive, Stanford University*) имеется эмоциональное

^I Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.

^{II} Георгиевич М.М. Свет и тени. Первая мировая война. Добровольческая армия. Сидней, 1968.

^{III} В. В. Чернавин // ГА РФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 161. Л. 10–119. Любопытна характеристика, данная В.В. Чернавиным Н.А. Мартосу в тексте комментариев к записке последнего (ГА РФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 42. Л. 51 об.).

^{IV} Рукопись письма хранится в Фонде Н.Н. Рутыча (Ф. 7. Оп. 6. Ед. хр. 1) в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, фрагмент его был опубликован в № 7 (136) журнала «Военная быль» в 1995 г.

письмо Н. А. Клюева генералу Н. А. Калишевскому^I, содержащее неубедительные доводы самооправдания и рассказ о «героических» подробностях попадания в плен остатков 2-й армии в августе 1914 г. Развернутая собственноручная записка с подробным описанием действий подчиненного Н. А. Клюеву XIII армейского корпуса находится в фонде 2003 Российского государственного военно-исторического архива. Краткий конспект этой записки был опубликован другим пленным генералом — А. Н. Розеншильдом фон Паулином — в эмигрантском журнале «Военный сборник»^{II}. В свою очередь, разные редакции дневников и писем самого А. Н. Розеншильда фон Паулина хранятся в трех архивах: подробное описание боевых действий 29-й пехотной дивизии в 1914–1915 гг. находится в Фонде генерала Н. Н. Головина^{III} (в этой редакции особый интерес у нас вызвали помещенные в текст воспоминания генерала А. А. Орла, детально описывающие обстоятельства его попадания в плен, ранее нам неизвестные), дневник и записки, представляющие, по словам самого генерала, «сырой и необработанный материал» и текстуально не всегда совпадающие с имеющимися в США воспоминаниями, хранятся в ГА РФ^{IV} (в этой редакции особенно ценен для нас ряд характеристик товарищей по несчастью — А. Е. Беймельбурга, П. И. Булгакова, Ф. М. Иванова, И. Ф. Мингина и ряда других), а несколько иной вариант необработанных воспоминаний передан потомком генерала в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Нами были использованы и ранее известные работы А. Н. Розеншильда фон Паулина^I, а также переписка с генералом В. В. Чернавиным^V, в которой немало любопытных подробностей его деятельности в период Гражданской войны. В Фонде генерала В. В. Чернавина имеется переписка с И. С. Хольмсенем^{VI}, а также ряд писем и других материалов генерала Кислова, бывшего начальника штаба 48-й пехотной дивизии, иллюстрирующих обстоятельства попадания в плен генерала Л. Г. Корнилова^{VII}.

В Архиве Гуверовского института имеется фонд Военно-исторической комиссии 3-й гвардейской пехотной дивизии^{VIII}, в котором среди документов, собранных полковником В. П. Сияльским, содержатся материалы, позволившие нам установить ранее неизвестные обстоятельства пленения генералов А. М. Малиновского и К. А. Любарского, а также дополнить характеристику генерала И. Ф. Мингина (составленные им записки о восточно-прусском походе похожего содержания хранятся в Гуверовском институте и ГА РФ).

В Бахметевском архиве Колумбийского университета (*BAR, New York*) собраны коллекции материалов ряда гвардейских полков, вывезенных из России после Гражданской войны и собранных в эмиграции: лейб-гвардии Семеновского, Измайловского,

^I Hoover Institution Archive, Stanford University. Lampe collection. Box 10; Д. Г. Щербачев. Письмо генерала Клюева от 17.05.1919 г. // ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–8.

^{II} Р.-П. А. [Анатолий Розеншильд-Паулин] Причины неудач 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. (По записке генерала Клюева). // Военный сборник. Белград, 1923. № 4.

^{III} Hoover Institution Archive, Stanford University. Rozenschild-Paulin memoirs.

^{IV} ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 793. Л. 1–92. Эти воспоминания недавно частично опубликованы: Розеншильд фон Паулин А. Н. Дневник. Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 2014.

^V Переписка В. В. Чернавина с А. Н. Розеншильдом фон Паулином // ГА РФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 252. Л. 1–29.

^{VI} ГА РФ. Ф. 5956. Д. 299. Л. 1–10.

^{VII} Там же.

^{VIII} Материалы к истории 3-й Гвардейской пехотной дивизии с 26 июля по 31 октября 1914 г. Собрано Генерального штаба полковником Сияльским. Париж, 1937 // Hoover Institution Archive, Stanford University. Vladimir Pavlovich Siialskii. Box 1.

Финляндского и 1-го стрелкового. Среди этих материалов есть документы, иллюстрирующие службу в гвардейских частях многих плененных и погибших генералов, а также немало иных сведений, касающихся обстоятельств их гибели или попадания в плен и послевоенных судеб. В первую очередь стоит упомянуть о документах, из которых стало известно об обстоятельствах пленения генералов С.П. Соколова, Е.Э. Фитингофа, а также о подробностях гибели генералов Ф.К. Хитрово, Д.Н. Пфейфера, А.А. Подымова.

Основными источниками для данной работы, как и для первого издания, явились материалы фондов РГВИА. Прежде всего это коллекция послужных списков и аттестаций офицеров (Ф. 409), рукописные списки генералов по старшинству (Ф. 407), документы Ставки Верховного главнокомандующего (Ф. 2003), фронтовых и армейских штабов, а также войсковых частей (Ф. 2019, 2106, 2323, 3516 и др.). В настоящее издание нами включены ранее не использованные письма генералов, отправленные ими из плена родственникам и иным лицам, хранящиеся в РГВИА¹. Несмотря на лаконичность этих посланий, все же они представляют интерес как источник, характеризующий их авторов.

Следующим важным источником информации о плененных и погибших генералах, способствующим исследованию ментальности, являются мемуары и дневники военачальников и офицеров российской армии: А.П. Будберга, П.С. Махрова, В.Е. Флуга, А.А. Игнатьева, С.А. Щепихина, Е.З. Барсукова, Д.С. Ходнева, А.Е. Снесарева, А. Солнцева-Засекина, В.В. Чернавина, М.И. Пестржецкого, П.Н. Шатилова, А.И. и Б.В. Геруа, В.И. Селивачева, М.Н. Папа-Федорова, Клодта фон Юргенсбурга, Н.Г. Володченко, Г.П. Розалион-Сошальского, Ф.П. Рерберга, В.В. Артемьева, В.А. Слюсаренко, А.В. Попова², Н.А. Цурикова, Н.Андерсона и многих других. Эти, а также использованные при подготовке первого издания мемуары участников войны содержат уникальные данные: это и обстоятельства пленения, гибели, и оценки происходивших событий, профессиональные и личные характеристики военачальников, подробности их отношений между собой.

Из числа недавно опубликованных дневников и материалов стоит упомянуть сборник документов и писем В.А. Сухомлинова, а также фрагмент дневника генерала А.А. фон Лампе. Эти источники позволяют уточнить детали биографий генералов Л.Г. Корнилова, Н.А. Ключева и И.С. Хольмсена.

Анализировалась нами также периодика времен Первой мировой войны. Особый интерес, в частности, представляют опубликованные в 1914 г. в «Правительственном вестнике» списки подданных Российской империи, задержанных в Германии и Австро-Венгрии с объявлением войны, среди которых оказалось немало представителей генералитета.

Для установления личностей плененных и погибших генералов, а также для восстановления их служебных биографий широко использовались справочные дореволюционные издания. В первую очередь это «Списки генералам по старшинству» и «Списки полковникам по старшинству» за 1901–1916 гг., «Списки Генерального штаба» за 1914–1917 гг., а также списки «Личного состава чинов Отдельного корпуса Пограничной стражи». Краткие биографические сведения о судьбах военачальников после 1917 г. были почерпнуты из многочисленных современных справочных изданий, посвященных русскому офицерству.

¹ РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 8–13.

Особо стоит отметить в их числе работы А.В. Ганина^I, Н.Н. Рутыча^{II} и С.В. Волкова^{III}. Дополнительно были использованы специализированные интернет-проекты, в частности материалы сайта А.А. Лихотворика «Русская армия в великой войне»^{IV}.

При подборе иллюстративного материала автор обращался к портретам военачальников, опубликованным в литературе, посвященной русской армии, периодической печати начала XX в.^V, на сайте Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД)^{VI}, на сайте историка С.В. Волкова^{VII}, полученным автором в Российском государственном архиве кинофотофонодокументов (РГАКФД, Красногорск), ряде других архивов, а также своему архиву. Особо следует отметить документальный фильм, снятый в 1917 г. представителями датского Красного Креста, в котором фигурируют несколько русских генералов, незадолго до того освобожденных из германского плена. Кадры из этого фильма также использованы нами в качестве иллюстративного материала. Кроме того, мы посчитали возможным включить в книгу фотографии из альбома, принадлежащего автору настоящего труда и содержащего снимки, сделанные, по-видимому, кем-то из офицеров-артиллеристов, попавших в плен в Новогеоргиевске. Эти уникальные фотографии очень ярко иллюстрируют жизнь пленных офицеров в лагере Нейссе, причем на некоторых из них изображены пленные генералы. В настоящее издание включены несколько снимков генералов, сделанных в германском и австрийском плену, оригиналы которых хранятся в РГВИА, а также фото похорон генерала С.И. Федорова, опубликованное в немецкой периодической печати. Среди богатейшей коллекции фотографий, собранных В.М. Томичем и хранящихся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, представляет интерес фото сбитого русского летчика, на похороны которого пришли русские пленные генералы, одним из которых, по нашему мнению, является генерал-лейтенант Д.И. Аврамов, так как он был единственным пленным военачальником в этом чине, у кого в послужном списке отмечено ношение очков. Причем оригинал этого снимка по существовавшей среди авиаторов во время войны рыцарской традиции был сброшен с немецкого самолета над территорией, занятой русскими войсками. Несколько ценных снимков пленных и погибших генералов, начинавших службу в гвардии, взяты нами из упомянутых выше фондов полковых объединений ряда гвардейских полков, собранных в Бахметевском архиве Колумбийского университета (*BAR, New York*).

В период подготовки настоящего издания нами использованы австрийский и немецкие военно-исторические труды и иные материалы: официальные описания войны, полковые истории, мемуары германских военачальников, официальные сводки с театра

^I Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба...; и др.

^{II} Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 2002.

^{III} Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2001; Он же. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. М., 2003; Он же. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1–2. М., 2009.

^{IV} Русская армия в Великой войне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grgwa.ru>.

^V «Летопись войны 1914–1917 гг.», «Летопись войны с Японией», «Искра», «Огонек», «Новое время», «Разведчик» и др.

^{VI} Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.photoarchive.spb.ru>.

^{VII} Сайт историка Сергея Владимировича Волкова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://swolkov.narod.ru>.

военных действий³. В них содержатся интересные подробности пленения и гибели многих российских генералов, а иногда и их краткие характеристики. К сожалению, немецкие архивные источники невозможно использовать в связи с их гибелью в потсдамском пожаре апреля 1945 г. Обстоятельства пребывания генералов российской армии в немецких лагерях реконструированы в статьях О.С. Нагорной по материалам земельных архивов Баварии (Мюнхен), Вюртемберга (Штутгарт) и Саксонии (Дрезден)¹. Фонды *SächsHStA Dresden* (11248. *Sächsisches Kriegsministerium*) содержат предписания военных министерств, ведомственную переписку, подлинники и копии генеральских писем, результаты проводившихся среди них опросов и другие документы, полученные и переведенные нами при помощи Л.В. Ланника.

В заключение краткой характеристики литературы и источников следует сказать, что при подготовке настоящего издания нами широко использовались журналы и газеты, выходившие в эмиграции: «Часовой» (Париж), «Военный сборник» (Белград), «Царский вестник» (Белград), «Военно-исторический вестник» (Париж), «Вестник гвардейского объединения» (Париж), «Артиллерийский журнал» (Париж), «Оповещение по объединению 3-й гвардейской артиллерийской бригады» (Париж), «Вестник волынца» (Париж), «Вестник общества ветеранов великой войны» (Сан-Франциско), «Вестник первоходника» (Лос-Анджелес), «Вестник Союза офицеров – участников войны» (Париж), «Военная быль» (Париж), «Военный вестник» (Нью-Йорк), «Война и мир» (Берлин), «Измайловская старина» (Александрия), «Изюмский изборник», «Русская летопись» (Берлин), «Семеновский бюллетень» (Париж), «Финляндец» (Париж) и некоторые другие.

Как нам представляется, использованная литература и выявленные источники позволили довольно подробно описать предмет нашего исследования. Считаем, что они полно отражают все аспекты нашей темы. Источники и литература взаимно дополняют друг друга, документы периода войны соотносятся с более поздними воспоминаниями, информация из русских источников сверяется с полученной из германских и австрийских.

Современная биографическая методика позволяет анализировать симптоматическое на индивидуальных примерах и связывает различные аспекты социальной, политической и военной истории.

В связи с тем, что по сравнению с первым изданием структура нашей работы существенно усложнилась, необходимо кратко ее охарактеризовать.

В первой части книги мы постарались описать все известные случаи пленения и гибели русских генералов в 1914–1917 гг., восстановить обстоятельства гибели и пленения, а также дать краткий разбор основных военных операций, в которых они были захвачены. Особое внимание было уделено Галицийской битве и поражению 2-й армии Северо-Западного фронта в августе 1914 г., Горлицкому прорыву в мае 1915 г. и падению Новогеоргиевской крепости в августе 1915 г. Отдельные главы настоящего труда посвящены проблемам пребывания русских военачальников в плену, их возвращению на родину и дальнейшей судьбе. В отличие от первого издания мы посчитали нелишним дополнить наше исследование описанием кратковременного пребывания в плену трех генералов и их освобождения русскими войсками спустя некоторое время.

Вторая часть работы содержит описание происходившего с пленными генералами по пути в плен до помещения их в лагерь военнопленных.

¹ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (далее – BayHStA); Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее – HStA Stuttgart); Saechsisches Hauptstaatsarchiv (далее – SaechsHStA).

Третья часть посвящена пребыванию пленных генералов в лагерях военнопленных на территориях Германии и Австрии, причем мы постарались затронуть различные аспекты жизни в долгом трехлетнем плену: условия размещения, дисциплину, взаимоотношения между собой и с лагерной администрацией, участие в «национальных проектах», переписку с родиной, побеги и т. д. Особо описано отношение русского командования к попавшим в плен товарищам и попытки их обмена на германских и австрийских военнопленных.

Четвертая часть работы включает в себе биографии русских генералов, погибших и попавших в плен во время войны. Источниками для биографий послужили архивные материалы (в первую очередь данные из послужных списков), а также сведения из справочников и военно-научной литературы и периодики. В качестве дополнительного материала приведены характеристики военачальников, встречающиеся в литературе, а также их служебные аттестации. В отличие от первого издания мы постарались подробнее описать боевые биографии генералов до момента их пленения либо гибели, оценить (по мере возможности) их профессиональную квалификацию.

В существенно расширенном заключении нами предпринята попытка анализа 98 биографий пленных и погибших генералов (довольно репрезентативной группы) по ряду критериев, таких как: происхождение, возраст, боевой опыт, ментальность, моральная стойкость и т. д. Полученные выводы позволяют оценить степень эффективности командного состава русской армии в период Первой мировой войны на примере без малого ста его представителей. Отдельная небольшая глава посвящена биографии генерала Н. А. Клюева, позволяющей, на наш взгляд, сделать вывод о системных недостатках подготовки части русского генералитета и о ее фактической небоеспособности в условиях войны с упорным и предприимчивым противником. Справедливости ради стоит сказать, что похожие проблемы имели место во всех армиях стран — участниц мировой войны.

В приложениях к работе представлен общий список русских генералов, погибших и попавших в плен в 1914–1917 гг., а также списки высшего командного состава 2-й армии генерала Самсонова, XX армейского корпуса генерала П. И. Булгакова и гарнизона Новогеоргиевской крепости, потерявших пленными наибольшее число военачальников. В завершение мы посчитали возможным поместить в настоящей работе нашу статью о пленных генералах Красной армии, захваченных врагом в 1941–1943 гг., и о сравнении особенностей плена генералитета в двух мировых войнах. Таким образом, читатель может получить представление о проблемах пленения лиц командного состава за существенный период российской истории: 1700–1945 гг.

По нашему мнению, в отечественной историографии Первой мировой войны существует довольно заметный пробел (еще 20 лет назад не было бы преувеличением сказать, что она практически вся состоит из пробелов), особенно по сравнению, например, с историографией Наполеоновских войн 1805–1815 гг. Этим изъяном является отсутствие качественных справочников по командному составу русской армии и научных биографий военачальников. Не претендуя на лавры автора монументального труда, мы все же считаем, что наша работа явится одним из «кирпичиков», из которых в будущем будет составлено достойное коллективное жизнеописание далеко не худших представителей российского генералитета. И то, что этот процесс разворачивается на наших глазах спустя более ста лет после начала Первой мировой войны, является глубоко символическим для русской истории в целом.

Все даты в тексте вплоть до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю, за исключением цитат из немецких и австрийских документов.

Автор выражает глубокую и искреннюю благодарность С.С. Жебровскому (Санкт-Петербург), А.В. Ганину (Москва), Н.Н. Рутычу (Аньер, Франция), И.В. Домнину (Москва), А.В. Посадскому (Саратов) за ценные советы и замечания, А.А. Лихотворнику (Новосибирск) за возможность пользоваться материалами его интернет-проекта, К.М. Александрову (Санкт-Петербург) за консультации об обстоятельствах пленения советских генералов, Н.Д. Егорову (Москва) за предоставленные сведения из фондов РГВА, И.Н. Мухину (Москва) за содействие в подборе биографического и иллюстративного материала, Л.В. Ланнику (Саратов) за сделанные им переводы немецкой литературы и источников, А.С. Кручинину (Москва), Н.В. Заножиной (Саратов) и П.А. Ересковской (Санкт-Петербург) за помощь в работе над текстом, Н.В. Суржиковой (Екатеринбург), сотрудникам РГВИА, в первую очередь О.В. Чистякову, Т.Ю. Бурмистровой и М.С. Нешкину за помощь при работе с архивными документами, а также Д.К. Николаеву (Москва), С.Г. Решетову (Одесса), А.Конивец и О.В. Соколову (Санкт-Петербург), М.Ю. Катину-Ярцеву (Москва), А.Левченко (Харьков) и А.А. Адылову (Калининград) за сведения биографического и генеалогического характера об отдельных генералах.

Рассказ о погибших и пленных генералах периода Первой мировой войны нам кажется уместным предварить кратким перечислением всех случаев пленения русских военачальников, начиная с момента введения в русской армии генеральских чинов¹. Думается, что это поможет читателю оценить распространенность этих случаев в военной истории России и понять отношение образованного общества периода Первой мировой войны к такому явлению, как попадание в плен русского военачальника, что практически всегда сопутствует поражению армии и, как следствие, зачастую является одним из предвестников грядущих политических потрясений.

Впервые в истории русской регулярной армии пленение генералов произошло после неудачного сражения под Нарвой (1700), когда в результате капитуляции и задержания шведами русского командования в ответ на нарушения представителем последнего условий сдачи армии оказались в плену: генерал-фельдмаршал герцог де Круа, генерал-кригс-комиссар князь Я.Ф. Долгоруков, генерал-фельдцейхмейстер имеретинский царевич А.А. Багратиони, генерал А.А. Вейде, генерал-майор А.М. Головин, генерал-майор И.И. Бутурлин, генерал-майор князь И.Ю. Трубецкой и генерал Л.Н. Алларт.

Следующее пленение русских генералов состоялось спустя 58 лет в 1758 г. (Семилетняя война 1756–1763 гг.), когда в ходе неудачного для русских сражения под Цондорфом, попали в плен генерал-поручики З.Г. Чернышев и И.А. Салтыков 2-й, генерал-майоры Ф.Г. Тизенгаузен, И.Цеге фон Мантейфель и И.Х. Сиверс.

После Цорндорфа, несмотря на многочисленные войны с турками и шведами, пленение русских генералов не имело места вплоть до Варшавской заутрени 17 апреля 1794 г., когда на улицах Варшавы был ранен и захвачен в плен генерал Милашевич и, при выходе из квартиры главнокомандующего, генерал-майор П.К. Сухтелен. Во время уличных боев в Варшаве был захвачен генерал Тищов (возможно, речь идет о генерал-майоре Н.Ф. Ртищеве).

¹ Возможно, в будущем мы составим краткое описание всех случаев гибели русских военачальников в боях с 1700 по 1945 г. Включение этих сведений в настоящее издание привело бы к значительному увеличению его объема и нежелательному изменению предмета исследования.

Восстание в Вильно 22 апреля 1794 г. началось пленением восставшими в собственных квартирах командующего русскими войсками в Вильне генерал-майора Н.Д. Арсеньева и генерал-поручика русской армии великого гетмана Литовского Ш.М. Коссаковского¹.

В сражении при Бергене 8 сентября 1799 г. (Голландская экспедиция 1799 г.) были взяты в плен генерал от инфантерии И.И. Герман и смертельно раненный генерал-лейтенант М.А. Жеребцов.

13 сентября 1799 г. в сражении у д. Унзерн (Швейцарский поход А.В. Суворова 1799 г.) попал в плен смертельно раненным генерал-майор Ф.В. Харламов.

14–15 сентября 1799 г. во время второго сражения под Цюрихом были взяты в плен генерал-лейтенант барон Ф.В. Остен-Сакен и генерал-майоры Е.И. Марков 1-й и О.И. Лыкошин.

В сражении под Алькмааром 2 октября 1799 г. (Голландская экспедиция 1799 г.) попал в плен генерал-майор А.Ф. Санти.

В 1802 г. на Тереке, в станице Ивановской, был захвачен горцами генерал-майор И.П. Дельпоццо.

В сражении при Аустерлице 2 декабря 1805 г. попали в плен^{II} генерал-лейтенанты Г.Ф. фон Вимпфен и И.Я. Пржибышевский, а также генерал-майоры Е.И. Меллер-Закомельский 1-й, И.И. Миллер 3-й, Г.М. Берг, Ф.Б. Штрик, С.К. Шевляков и А.А. Селехов^{III}.

15 февраля 1807 г. в д. Петерсвальде был захвачен французами генерал-майор Н.Ф. Корф, 24 мая того же года в Данциге – генерал-майор А.Г. Щербатов и в сражении у Фридланда 12 июня – смертельно раненный генерал-майор Н.Н. Мазовский.

15 апреля 1808 г. в сражении у Револакса (Русско-шведская война 1808–1809 гг.) был пленен генерал-майор М.Л. Булатов.

Во время войны 1812 г. попали в плен пятеро российских генералов: 19 августа в бою у Валутиной горы тяжелораненым был взят в плен генерал-майор П.А. Тучков 3-й; в Бородинском сражении был захвачен французами раненым генерал-майор П.Г. Лихачев, 22 октября в Москве – генерал-лейтенант Ф.Ф. Винценгероде, 3 ноября в сражении под Вязьмой – генерал-майор Свечин 3-й. Кроме перечисленных, попавших в плен к французам, австрийцами был захвачен в сражении под Слонимом раненый генерал-майор А.А. Хомяков. Кроме них, был задержан на три месяца саксонцами в Дрездене русский посланник генерал-лейтенант В.В. Ханьков.

Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. увеличили число пленных русских генералов еще на четыре человека: 29 января 1814 г. в сражении при Шампобере был взят французами генерал-майор К.М. Полторацкий, а вечером или ночью того же дня при отступлении от Шампобера попал в плен генерал-лейтенант З.Д. Олсуфьев 1-й; 31 января при Шато-Тъери попал в плен генерал-майор И.Г. Гейденрейх, а 2 февраля у д. Этож, генерал-майор А.П. Урусов.

Во время восстания в Варшаве 16–17 ноября 1831 г. были пленены трое генерал-майоров: Б.Х. Рихтер, К.Г. Энгельман и Д.С. Есаков.

^I Записки С.А. Тучкова. 1766–1808 гг. М., 2011. С. 130.

^{II} Благодаря О.В. Соколову нам удалось ознакомиться с копией «Списка пленных русских офицеров», хранящегося в военном архиве Франции (SHD, GR2 C13), и узнать точное число пленных русских генералов, взятых французами под Аустерлицем.

^{III} Генерал Миллер был взят в плен в лазарете, а генерал Меллер-Закомельский – раненым на поле боя.

16 августа 1854 г. при капитуляции Бомарзундской крепости (Крымская война 1853–1856 гг.) был взят в плен генерал-майор Я.А. Бодиско. В сражении у р. Альма 8 сентября 1854 г. британцами был взят в плен смертельно раненный генерал-майор П.А. Гогинов и тяжело раненный в том же сражении генерал-майор А.С. Щелканов. 10 мая 1855 г. при капитуляции Кинбурна попал в плен генерал-майор И.В. Коханович.

19 сентября 1862 г. при переправе через Кубань был захвачен горцами тяжелораненым генерал-майор Я.Г. Кухаренко.

20 декабря 1904 г. (Русско-японская война 1904–1905 гг.) при капитуляции Порт-Артура были взяты в плен японцами генерал-лейтенанты А.М. Стессель, М.А. Надеин, В.Н. Никитин и К.Н. Смирнов, генерал-майоры М.И. Костенко, С.Б. Мехмандаров, В.А. Рейс, В.М. Савицкий, Н.А. Третьяков, А.В. Фок, В.А. Ирман, Н.П. Грязнов, В.Ф. Белый и В.Н. Горбатовский. В сражении под Мукденом 25 февраля 1905 г. были взяты в плен генерал-майоры В.У. Соллогуб и А.П. Ганенфельд. 19 июля того же года при капитуляции гарнизона острова Сахалин сдался в плен генерал-лейтенант М.Н. Ляпунов.

Таким образом, за двести пять лет во вражеском плену побывали не менее 73 русских генералов. Довольно умеренное число, тем более с учетом того, какие потери стала нести русская армия в ходе начавшейся в августе 1914 г. мировой войны...

**ЖЕРТВЫ
СТАЛЬНЫХ
ГРОЗ**

**ПЛЕННЫЕ И ПОГИБШИЕ ГЕНЕРАЛЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ.
1914–1917**

Июль – август 1914 г.

При объявлении войны Германия с 21 июля, а Австро-Венгрия с 24 июля 1914 г.¹ задержали на своей территории в качестве военнопленных ряд русских военачальников. Как правило, это были довольно пожилые люди, поправлявшие свое здоровье на немецких и австрийских курортах, зачастую вместе с многочисленным семейством. Едва не оказались в их числе генералы А.А. Брусилов^{II}, отдыхавший в Киссингене, и В.Е. Флуг^{III}, сопровождавший на лечение жену и дочь-подростка. Убийство эрцгерцога Фердинанда и в особенности австрийский ультиматум Сербии убедили проникательных военачальников в неизбежности войны, и они поспешно выехали с территории Германии. В.Е. Флугу пришлось оставить семью на попечение немецких врачей, так как его жена не могла самостоятельно передвигаться^{IV}. В Россию оба генерала прибыли 16 июля, в тот день, когда Австро-Венгрия уже бомбардировала Белград. Трудно представить себе, как развивались бы события на Русском фронте, если бы двое из числа лучших российских военачальников (будущих командующих армиями) в первые же дни войны попали в плен к немцам! Едва не очутился в немецком плену и отдыхавший на курорте в Германии начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант В.М. Драгомиров^V.

К сожалению, большинство отдыхавших на австро-германских курортах не оказались столь же бдительными и были арестованы при объявлении войны. Не позаботилось о своевременном вызове находившихся в заграничных отпусках военачальников и русское правительство. В общей сложности были задержаны восемь русских генералов, бывших на действительной службе: член Государственного совета генерал от инфантерии А.А. Фрезе^V, член Александровского комитета о раненых генерал от инфантерии Г.В. Крюков^{VI}, член Военного совета генерал от кавалерии К.Н. Ставровский, астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска генерал-лейтенант И.Н. Соколовский, почетный опекун Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии генерал-лейтенант Л.Н. фон Баумгартен, председатель портового призового суда во Владивостоке генерал-майор военно-морского

^I Правительственный вестник. 1914. № 163. 25 июля. С. 5; № 194. 27 августа. С. 6; № 200. 2 сентября. С. 4.

^{II} Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 50–52.

^{III} Воспоминания генерала от инфантерии В.Е. Флуга (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 10. Л. 8, 13–18.

^{IV} Там же. Л. 8, 17–18.

^V Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 827–828; Извещение от Министерства иностранных дел // Правительственный вестник. 1914. № 200. 2 сентября. С. 4.

^{VI} Русский инвалид. 1914. № 178. 17 августа. С. 2.

судебного ведомства П. А. Артемьев, а также генерал-адъютанты А. А. Козлов и барон Л. А. Фредерикс¹.

Обращение с задержанными русскими подданными со стороны немцев было чрезвычайно жестоким и грубым. Невзирая на возраст и статус, они подвергались оскорблениям, унижениям, иногда даже побоям². Для 75-летнего Л. А. Фредерикса арест в течение всего лишь нескольких дней оказался слишком тяжелым испытанием. Здоровье генерала сильно ухудшилось, в связи с чем германские власти отпустили его в Россию. Вскоре после возвращения в Петроград, 23 сентября 1914 г., генерал Фредерикс скончался³. Остальные задержанные военачальники после многих мытарств и нескольких месяцев содержания в тюрьмах были также отпущены в Россию, большинство — зимой-весной 1915 г. По некоторым сведениям, у возвращающихся требовали подписки о неучастии в боевых действиях в ходе текущей войны⁴. Впрочем, трудно предположить, что давно отставшие от строя, не отличавшиеся хорошим здоровьем и по большей части престарелые и небоювые генералы могли представлять какую-либо угрозу для германцев.

Помимо находившихся на действительной службе, с объявлением войны на территории Германии и Австро-Венгрии была задержана масса отставных генералов. В их числе оказались генерал от кавалерии Ф. Н. Бобылев (бывший начальник 14-й кавалерийской дивизии)⁵, генерал от кавалерии Г. И. Богданович (бывший председатель Военно-исторической комиссии по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)⁶, генерал-лейтенант М. Г. Бек (бывший военный судья Туркестанского военно-окружного суда)⁷, генерал-лейтенант К. Н. Блюмер (бывший инспектор артиллерии IV Сибирского армейского корпуса)⁸, генерал-лейтенант Н. Ф. Гельмгольц (бывший комендант Осовецкой крепости)⁹, генерал-майор Е. В. Мейснер (бывший командир железнодорожной бригады)¹⁰, генерал-майор И. И. Алмазов (бывший командир XIV мортирного артиллерийского дивизиона)¹¹, генерал-майор Н. И. Иевлев (бывший командир 25-го артиллерийского парка, вскоре возвратившийся в Россию на санитарном поезде)¹², генерал-майор В. Я. Цветт (находился

¹ Извещение от Министерства иностранных дел // Правительственный вестник. 1914. № 200. 2 сентября. С. 4.

² Правительственный вестник. 1914. № 191. 24 августа. С. 2; ГА РФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 10. Л. 19–21.

³ Фредерикс Л. А. Некролог // Правительственный вестник. 1914. № 224. 26 сентября. С. 2.

⁴ Гагской конвенцией 1907 г. устанавливалась возможность досрочного освобождения офицеров из плена «под честное слово» (Нагорная О. С. Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 97).

⁵ Извещение от Министерства иностранных дел // Правительственный вестник. 1914. № 194. 27 августа. С. 6.

⁶ Извещение от Министерства иностранных дел // Правительственный вестник. 1914. № 200. 2 сентября. С. 4.

⁷ Правительственный вестник. 1914. № 191. 24 августа. С. 2.

⁸ Извещение от Министерства иностранных дел // Правительственный вестник. 1914. № 179. 12 августа. С. 7.

⁹ Правительственный вестник. 1914. № 212. 14 сентября. С. 6.

¹⁰ Переписка с ГУГШ, директором дипломатической канцелярии при Ставке и штабами фронтов об обмене военнопленными, использовании и содержании их в плену // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 118.

¹¹ О русских генералах, находящихся в плену в Германии и Австрии и вернувшихся из плена, нижних чинах, бежавших из плена, обмене военнопленными. Список русских генералов, находящихся в плену в Германии и Австрии по данным к 1 сентября 1916 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 8–9.

на излечении от хронического нервного потрясения в немецком санатории Шлахтензее), генерал-майор А. А. Менгден^I, причисленный к составу Морского инженерного училища генерал-лейтенант флота Петр Тыртов и др.^{II}. По поводу возвращения из плена этих бывших военнослужащих возникла переписка Министерства иностранных дел (МИД) Российской империи с штабом Верховного главнокомандующего и германскими властями^{III}. По каким-то причинам российская Ставка отказывалась освободить бывших германских консулов в Ковне и Эрзеруме, что служило препятствием для освобождения российских отставников. При этом на сделанное российским МИД предложение обменять всех германских консулов, за исключением двух вышеназванных, на такое же число русских подданных от немцев ответа не последовало. 16 декабря 1914 г. МИД уведомил Ставку, что «согласно новому сообщению испанского посла в Берлине, переданному через императорскую миссию в Копенгагене, названному послу удалось добиться отмены высылки в отдаленные города наших генералов, за исключением генералов Харина^{III} и Ставровского, коим германские власти приписывают нетактичные поступки, якобы совершенные ими во время проживания в «Элит-Отель» и вызвавшие будто бы порицание со стороны прочих наших генералов. Однако они также будут отпущены на свободу, если будут с нашей стороны освобождены содержащиеся ныне в тюрьме германские консульские чины, подлежащие обмену, сосредоточенные в Петрограде»^{IV}. В дальнейшем все перечисленные выше отставники возвратились на родину.

Первые боевые потери, в том числе пленными, русский генералитет стал нести в маневренных сражениях летом 1914 г. В начале августа командование 5-й русской армии Юго-Западного фронта организовало рейд сводной кавалерийской дивизии в тыл австро-венгерских войск. Во главе дивизии встал только что принявший должность начальника 3-й отдельной кавалерийской бригады генерал-майор С. П. Ванновский. Дивизия успешно проникла в расположение австро-венгерской армии, но на пятый день рейда натолкнулась на крупные силы противника и при выходе в расположение русских войск понесла потери. Генерал Ванновский, чувствуя себя недостаточно подготовленным к командованию крупными конными массами, передал начальствование младшему в чине генералу А. М. Драгомирову, а сам остался во главе бригады^V. 8 августа 1914 г. Ванновский был тяжело ранен в живот, возглавляя атаку эскадронов нежинских гусар и новомиргородских улан на укрепленную казарму под Камионкой-Струмиловой^{VI}. Ранение оказалось чрезвычайно серьезным, и генерал по его собственной просьбе был передан в австро-венгерский лазарет для производства спешной операции^{VII}. Через несколько дней

^I В. Я. Цвет и А. А. Менгден в «Списке русских генералов, находящихся в плену в Германии и Австрии» ошибочно названы генералами от инфантерии. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 8–10.

^{II} РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 216. Л. 1–3 об.

^{III} Возможно, в документе речь идет о генерал-майоре Иване Николаевиче Харине, состоявшем в распоряжении начальника Главного штаба, но информацией о его задержании в начале войны, мы не располагаем.

^{IV} РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 216. Л. 1–3 об.

^V Примечательно, что факт самоустранения генерала Ванновского от командования дивизией остался неизвестным для историографа Галицийской битвы А. Белого: он пишет о гибели «героического начальника дивизии».

^{VI} Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. Галицийская битва. Первый период: до 1 сентября нового стиля. Париж, 1930. С. 95–99.

^{VII} Переписка о потерях генералов, штаб- и обер-офицеров // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 421. Л. 29.

он скончался от полученных ранений в одном из госпиталей Львова¹. Русские и австрийские источники в совокупности дают возможность получить исчерпывающее представление о ходе и последствиях этой стратегической разведки, а также о роли в ее проведении генерала Ванновского.

Как было сказано выше, в период мобилизации С.П. Ванновский был поставлен во главе сводной кавалерийской дивизии (2-я и 3-я отдельные кавалерийские бригады силой в 24 эскадрона и 16 пулеметов без конной артиллерии), переброшенной в течение 24 часов по окончании мобилизации из Московского военного округа по железной дороге на границу, к г. Холму, в район сосредоточения 5-й армии генерала Плеве. Вечером 12 августа генерал Ванновский получил приказ генерала Плеве произвести глубокую разведку расположения австро-венгерских войск от линии Магеров – Ухнов – Телятин – Мирча – Грубешов на западе до р. Буг на востоке и уничтожить железнодорожные и телеграфные линии, мосты и транспортные средства. По воспоминаниям А.М. Драгомирова, общее оперативное руководство было в руках самого начальника дивизии. Он лично отдавал приказания о разведке, прочитывал все донесения, когда бы они ни доставлялись, и принимал доклады командиров эскадронов и начальников отдельных разъездов по их возвращении из разведки. Диктовал также лично все приказы полковым адъютантам или офицерам для связи. Отсутствие организованного штаба создавало для начальника дивизии излишнюю тяжелую и ответственную работу. Рейд был начат в 7 часов утра 15 августа, а уже в 9:30 дивизия в походной колонне перешла государственную границу. В 5 часов дня без серьезного сопротивления противника была взята железнодорожная станция Белж и разрушен мост. 16 августа дивизия возобновила движение на юг, оставив на станции один эскадрон для связи со штабом армии. 17 августа дивизия выступила в 7 часов утра, взяв направление на Юхнов, между двумя и тремя часами дня подошла к Раве-Русской, имея впереди бригаду, которой генерал Ванновский приказал разрушить железнодорожную станцию. Вскоре, сломив сопротивление австрийцев, гусары и уланы захватили станцию и разрушили все станционные сооружения: стрелки, семафоры, телеграфные и телефонные аппараты. Утром 18 августа части дивизии разрушили станцию Добросин и далее проследовали на юг, в направлении на Жолкиев. Около 7 часов вечера, установив движение австрийской пехоты с запада, генерал Ванновский решил ее атаковать. Ввиду наступления полной темноты генерал Ванновский приказал остановить бой и оттянуть дивизию на ночлег. Утром 19 августа, прежде выступления дивизии с ночлега, генерал Ванновский отдал приказ о передаче командования Сводной дивизией генералу А.М. Драгомирову (в своих воспоминаниях генерал Драгомиров указал, что о причинах, вызвавших этот приказ, можно будет сообщить в русской военной печати только после возрождения русской армии²). Сам генерал Ванновский остался в должности начальника 3-й отдельной бригады. Эта перемена потребовала целого ряда мер по организации управления дивизией, из-за чего последняя практически бездействовала весь день. 20 августа утром дивизия выступила практически в полном составе в направлении на Туринку, куда ее авангард вошел в районе 6 часов вечера. При подходе голова авангарда была обстреляна из окон одного дома. Дом этот тотчас же был оцеплен и все находившиеся в нем мужчины были расстреляны. Вслед за этим дивизия приступила к подготовке взрыва железнодорожного моста у Камионки-Струмиловой. Около 6 часов утра 21 августа, отеснив австрийцев, части дивизии взорвали этот мост. Примерно в это же

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 421. Л. 59; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 6–7.

время частям дивизии удалось захватить станции Клодно и Жолтанцы, уничтожив имевшиеся на них телеграф и телефон. Практически все поставленные дивизии задачи были выполнены, и счастье, по словам генерала А.М. Драгомирова, до той поры ей сопутствовало. План рейда, предложенный генералом Ванновским выполнялся без каких-либо изменений. Остался последний шаг рейда: нападение с тыла на железнодорожную станцию Красне и прорыв через фронт противника в направлении на Броды с целью выйти на фронт 3-й русской армии. Однако теперь начался ряд неожиданностей. Около 7 часов утра начальник дивизии поручил генералу Ванновскому атаковать неожиданно появившуюся австрийскую пехоту шестью эскадронами при четырех пулеметах. Дойдя до занятой австрийцами деревни в конном строю, генерал Ванновский приказал спешиться и, образовав боевой порядок, повел энергичную атаку на австрийцев. Противник прекратил наступление и начал спешно отходить к большой каменной казарме, обнесенной толстой дубовой оградой. Генерал Ванновский приказал стрелкам следовать за противником по пятам и взять казарму штурмом. Австрийцы успели укрыться в казарме, закрыть входы в нее и открыть огонь с первого и второго этажей и из-за ограды. Неся большие потери от этого трехъярусного огня, русские цепи залегли. Получив донесение Ванновского о ходе боя и о его намерении взять казарму штурмом, начальник дивизии послал генералу Ванновскому приказание немедленно прекратить атаку и отойти к дивизии, так как атака на казарму не вызывалась потребностью создавшегося положения. Это приказание генерал Ванновский получить не успел, так как около 8 часов утра был смертельно ранен. Отступление дивизии под огнем противника заняло два часа. Все тяжело раненные, включая Ванновского, были оставлены в Камионке-Струмиловой, так как перевозка в телегах означала бы для них неминуемую смерть. Таким образом, продолжительная борьба около каменной казармы, не вызванная необходимостью и стоившая дивизии больших потерь, задержала ее движение на четыре часа и заставила пережить, по словам А.М. Драгомирова, «очень тревожное время». Выяснилось также, что оставшееся количество боевых припасов ничтожно и, кроме того, дивизия больше не располагает взрывчатыми веществами. Ввиду этого продолжение рейда по намеченному плану становилось невозможно и пришлось отказаться от нападения на станцию Красне и прорыва австро-венгерского фронта у Брод. 23 августа дивизия с боями прибыла в расположение русских войск. По мнению генерала А.М. Драгомирова, рейд, осуществленный Сводной кавалерийской дивизией, нельзя считать примером неудачного рейда, так как все поставленные дивизии задачи были выполнены: удалось совершенно точно установить основную идею группировки войск неприятеля перед началом его наступления в российские пределы, кроме того, во исполнение приказа командующего 5-й армией удалось разрушить ряд железнодорожных станций и мостов. Даже спустя три недели станция Рава-Русская не была восстановлена хотя бы для временного движения, равно как и мост у Камионки-Струмиловой. Потери дивизии за весь период рейда не превышали 8% ее боевого состава. Оценивая действия генерала Ванновского во время рейда, приходится согласиться с мнением генерала А.М. Драгомирова, который писал, что необходимо сложить с Ванновского всякую ответственность за потери дивизии при прорыве у Туринки 21 августа, так как во время этого боя «этот беззаветно храбрый кавалерийский начальник лежал без памяти в австрийской больнице в Камионке-Струмиловой, будучи смертельно раненым в бою под этим местечком 8/21 августа», однако тот же автор считал названный бой затянувшимся и ненужным, в сущности вынудившим дивизию досрочно прервать успешный рейд по тылам австрийцев.

В ежедневной сводке штаба Верховного командования императору Францу Иосифу за 9/22 августа говорилось: «Одна русская кавалерийская дивизия, по-видимому, казачья, прорвавшаяся через Сокаль, была остановлена после короткого боя у Каминки-Струмиловой и Туринки <...>. Одна кавалерийская бригада совершенно разбита, а другая сильно пострадала. Погибли оба командира бригаад, один из которых генерал Ванновский».

Штабы Юго-Западного фронта и подчиненных ему армий не ограничивались проведением стратегической разведки неприятеля силами кавалерии. Для тех же целей ими использовалась и авиация. Утром 10 августа 1914 г.¹ из города Дубно вылетел самолет, управлявшийся известным летчиком А. Васильевым, в кабине которого в качестве наблюдателя находился генерал-лейтенант Е. И. Мартынов, незадолго до этого прибывший в действующую армию, еще не получивший назначения и состоявший в распоряжении начальника штаба Юго-Западного фронта генерала М. В. Алексева^{II}. Целью полета было произвести стратегическую разведку Львовского района и города Стрия (сам генерал Мартынов говорил о цели дальней разведки так: «В это время в главной квартире имелись сведения лишь о передовых частях австрийцев, но расположение их главных сил оставалось неизвестным, а между тем для стратегических соображений важно было знать именно второе»^{III}). Обстоятельства, при которых генерал Е. И. Мартынов попал в плен, по-разному освещались в воспоминаниях, архивных источниках и литературе. Так, в современном биографическом очерке говорится, что «после крушения самолета, которым управлял известный русский летчик А. Васильев, генерал в бессознательном состоянии был взят в плен»^{IV}. Сам генерал в предисловии к одной из своих книг кратко написал, что «над Львовом наш аэроплан был сбит, под огнем мы стали уходить обратно, но около станции Езерня мотор перестал работать, аэроплан сел на землю и мы очутились в плену»^V. Теми же словами, но не упоминая про «бессознательное состояние», излагал историю со сбитым самолетом и пленением А. Васильева и Е. И. Мартынова генерал Н. Г. Володченко, настроенный весьма критически к последнему. Товарищ летчика Васильева и генерала Мартынова по плену поручик князь А. Солнцев-Засекин так описывал подробности их полета, ставшие ему известными, вероятно, в плену от самих летчика и генерала: «...Во время первого же полета Васильева над австрийскими позициями аэроплан его был сбит орудийным огнем, а Васильев со своим наблюдателем генерал-лейтенантом Мартыновым, легко контуженные и получившие сравнительно незначительные ушибы при падении аэроплана (так как Васильеву удалось все же спланировать), были взяты в плен»^{VI}. Красочное описание неудачной разведки содержится

^I В «Списке русских генералов, находящихся в плену в Германии и Австрии» приводится дата 17 октября 1915 г., очевидно, ошибочная. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 8–9.

^{II} По мнению генерала Володченко, Е. И. Мартынову выхлопотал возвращение на службу его старый покровитель Н. И. Иванов, и он же, а не генерал М. В. Алексеев, оставил его в своем распоряжении. (Е. И. Мартынов. Материалы по биографии. 1887–1924 гг. / сост. Н. Г. Володченко. Харбин, 1936.

^{III} Как я попал в плен. Интервью генерала Е. И. Мартынова // Заря России. 1918. 2 июля. С. 1–2.

^{IV} Мартынова-Савченко М. С. К 140-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Е. И. Мартынова // Военно-исторический архив. 2004. № 10(58). С. 157.

^V Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 1.

^{VI} ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 653. Л. 5–6.

в довольно объемном интервью генерала Мартынова, данном им корреспонденту газеты «Заря России»¹ сразу после возвращения из плена: «Я полетел на аэроплане, которым управлял частный летчик Васильев. Аэроплан был системы “Моран”, бестроходный, но совершенно не приспособленный для военных целей: он был чрезвычайно хрупкий и неудобный для наблюдения. Кроме того, для наблюдателя, помещавшегося позади летчика, оставалось так мало места, что действовать оружием было невозможно. Вследствие этого я взял с собой лишь маленький револьвер “Браунинг”, рассчитывая, что при встрече с неприятельским аэропланом мы уйдем от него благодаря скорости хода. Я впервые сел в аэроплан и не имел никакого представления об управлении, а потому, если бы Васильев был убит или ранен, мне оставалось лишь застрелиться. Намеченный мною маршрут полета был от Дубно через Бусек на Львов, оттуда на Стрый и обратно через Тарнополь в Ровно, всего — более 400 верст. Мы вылетели из Дубно в 10 часов утра 10 августа. День был чрезвычайно ясный, дороги вырисовывались яркими белыми лентами, и на них резко выделялись даже отдельные повозки. Мы летели сначала на высоте 1 000 метров. От Бусека Васильев стал забирать вверх для того, чтобы перелететь через Львов (где предполагались зенитные пушки) возможно выше. Когда после полета, продолжавшегося час с четвертью, мы приблизились к фортам Львова, то находились на высоте 2 200 метров. С фортов был открыт против нас артиллерийский и ружейный огонь. Мы продолжали лететь. Вдруг что-то ударило в аэроплан; он опрокинулся через правое крыло и стал стремительно падать. Мы вывалились бы из сидений, если бы не были пристегнуты ремнями, на коих повисли. Гибель казалась неизбежной, но Васильеву, привыкшему делать мертвые петли, удалось справиться с аппаратом и снова выровнять его. Кожух мотора был разорван, из резервуара летели брызги масла. Васильев выключил мотор, потом опять пустил его. Машина работала неправильно. Как выяснилось впоследствии, осколок гранаты попал в крышку одного из цилиндров мотора. Васильев сказал мне, что продолжать полет в таком аппарате чересчур рискованно и что нам нужно опуститься. Но это значило попасть в плен, а кроме того, при обстреле, коему мы подвергались (в тишине, наступившей при остановке мотора, вокруг нас раздавался свист пуль), вряд ли удалось бы произвести спуск. Я ответил, что нам нужно во что бы то ни стало лететь назад. Этот обратный полет был весьма труден: мотор работал прерывисто; аппарат дрожал и качался; брызги масла залепляли глаза, мешали ориентированию, аппарат все время обнаруживал склонность к понижению, и мы шли на высоте около 700 метров, причем несколько раз подвергались ружейному обстрелу. Так мы летели около часу и достигли станции Езерня на железной дороге между Бусеком и Тарнополем. Впереди, верстах в пятнадцати, на фоне неба, обрисовывались дымки шрапнелей. Это шел бой между австрийцами и войсками нашей 8-й армии генерала Брусилова, перешедшей границу и наступавшей на Тарнополь. Еще 10 минут полета, и мы были бы спасены, но вдруг раздался взрыв: с треском отлетела вверх поврежденная крышка цилиндра, образовав в кожухе огромную дыру. Хорошо еще, что крышка отлетела в этом направлении, иначе она могла бы перебить крыло или шасси аппарата. Мотор остановился. Васильев стал спускаться планирующим спуском, стараясь выиграть пространство. Едва аэроплан спустился на землю, как мы были окружены выскочившими из соседней деревни

¹ Бывшее «Утро России», с которым генерал Мартынов сотрудничал еще до войны.

австрийскими ландштурмистами. Спустя несколько минут прискакал гусарский разъезд. Нам не дали даже времени осмотреть повреждения аэроплана, на крыльях коего во многих местах виднелись пробоины от ружейных пуль. Хотя намеченный мною маршрут полета на Стрый не был выполнен и нам пришлось от Львова повернуть обратно, тем не менее в случае возвращения я привез бы в главную квартиру важные сведения. Выяснилось, что на главном операционном направлении Дубно — Львов не было неприятельских войск, за исключением небольших передовых отрядов в пограничной полосе. Как теперь известно, главные силы австрийцев в это время двигались на Люблин и Замостье, где ими были застигнуты врасплох и разбиты по частям находившиеся в периоде сосредоточения армии Зальца и Плева. Но нам не было суждено возвратиться к своим войскам и за $2\frac{1}{4}$ часа смелого полета я заплатил $3\frac{1}{2}$ годами тяжелого плена. Утешая меня, один австрийский генерал выразился совершенно правильно: «Для войны нужно тоже счастье»¹.

Таким образом, австро-венграм первым посчастливилось захватить в плен русских военачальников в боевых условиях. В боях с этим же противником погиб первый за войну русский генерал. Произошло это в ходе наступления 3-й армии Юго-Западного фронта на территории Галиции. В начале августа главной задачей русских армий этого фронта являлось поражение австро-венгерских армий, а целью — воспрепятствовать отходу главных сил австро-венгров на юг за Днестр и на запад к Кракову. Выдвижение 3-й русской армии к р. Золотой Липе заставило австрийское командование повернуть свою 3-ю армию на восток с северного направления, куда она наступала ранее. Это привело к встречному сражению на р. Золотой Липе. Не ожидая столкновения с противником, командир X корпуса поставил дивизиям задачу занять новые районы ночлега к 16 часам 13 августа. Начальник 31-й пехотной дивизии решил вести дивизию по одной дороге, имея в авангарде усиленный полк. Австрийцам удалось подвести скрытно 16-ю пехотную дивизию, что осталось неизвестным штабу русского X армейского корпуса. Заметив приближение австрийцев и считая, что перед ним лишь их бригада, начальник 31-й пехотной дивизии приказал авангарду в составе полка продолжать наступление. Командовавший авангардом генерал Хитрово задался целью захватить высоты «Орне» (на правом берегу р. Золотой Липы), дабы этим обеспечить наивыгоднейшее развертывание 31-й пехотной дивизии. Перейдя р. Золотую Липу, авангард очутился в тяжелом положении, так как австрийцы успели первыми занять высоты на западном берегу⁸. Неся большие потери от огня противника, авангард сначала приостановил наступление, а затем под угрозой охвата флангов начал отход на восточный берег реки. При этом был убит начальник авангарда — командир бригады 31-й пехотной дивизии генерал-майор Ф.К. Хитрово. Лишь вступление в дело 121-го Пензенского пехотного полка и интенсивный артиллерийский огонь помогли восстановить положение. Начальник штаба X армейского корпуса генерал-майор Ф.П. Рерберг вспоминал: «...Наш авангард, почти неожиданно, напоролся на превосходные силы противника и понес даже большие потери. 123-й пехотный Козловский полк, шедший в авангарде 31-й пехотной дивизии, в голове которого следовал и командир бригады — храбрый и горячий генерал-майор Феодор Константинович Хитрово (бывший офицер Кексгольмского гренадерского полка и переименовавший свою фамилию на Хитрово в бытность

¹ «Как я попал в плен». Интервью генерала Е.И. Мартынова // Утро России. 1918. Июнь. С. 2.

уже в Генеральном штабе), наткнулся настолько неожиданно на пехотные цепи австрийцев, что прямо с похода попал под ружейный и пулеметный огонь, которым в первые минуты боя были убиты генерал Хитрово, семь офицеров и до 250 нижних чинов»¹. По сведениям И. М. Алабина, генерал Хитрово, находясь на передовых позициях, был ранен тремя пулями, но продолжал руководить наступлением войск. Уступив штабным офицерам, он отправился в полевой лазарет, но был убит шальной пулей в рот, во время перевязки»².

В период Галицийской битвы австрийцы не раз оспаривали победу у российских войск, а иногда динамичный характер сражений приводил к тому, что победители и побежденные могли стремительно меняться местами. С. А. Щепихин, служивший в штабе 3-й армии, вспоминал эпизод, относящийся к разгару боев под Равой-Русской в конце августа 1914 г.: «...Я проехал дальше, в район бывших там накануне боев XI корпуса, в частности в район пленения 11-й пехотной дивизии (точнее, одной ее бригады). Местность была действительно как бы самой природой создана для устройства засад, окружений и т. п. оперативных и тактических сюрпризов: два высоких лесистых кряжа шли параллельно один другому, переплетаясь пониженными и идущими в различных направлениях хребтами. Вместе они образовали целую сеть котловин, ущелий и впадин, заросших густым кустарником, свободно скрывавших всадника с пикой... По дну долин протекает каменистый ручей, и рядом проложено шоссе... Остальные, побочные дороги — лишь жалкие, мало разработанные проселки, проходимые для пешего, но почти недоступные для колес... В одной из таких впадин и остановился на ночлег ген[ерал] Федотов со своей бригадой, только что вынесшей тяжелый бой с превосходными силами противника... Вторая бригада и другая дивизия корпуса имели бой значительно севернее этого района, но, где они ночевали, ген[ералу] Федотову не было точно известно. Казалось бы, в таком положении лучше всего применить на ночлег кольцевое охранение, но люди были сильно утомлены, и генерал решил закрыться лишь на западе, не ожидая, что за ним следом идет тирольская бригада противника, отброшенная с участка прочих частей корпуса... Застигнутый врасплох, ген[ерал] Федотов после короткого боя был окружен и вынужден был положить оружие... Происшедшее столкновение показывало противнику, что он залез в самую гущу русского расположения, а потому, дав короткий отдых своим частям, австрийский командир приказал продолжать марш на запад, на присоединение, как он предполагал, к своим, а под утро, на малом привале, в свою очередь, подвергся нападению шедших на поддержку 11-й дивизии резерва корпуса русских и был захвачен ударом, как раз с западной стороны, в плен... Его пленные — бригада Федотова, — быстро разобрал оружие, которое австрийцы везли на повозках под слабым конвоем, помогали и собственному освобождению и пленению вчерашнего своего победителя. Этим инцидент и был исчерпан. Генерал Федотов рассказал всю эту историю, проехав на автомобиле со мной на место происшествия, и был совершенно бодр и полон

¹ Рерберг Ф. П. Исторические загадки великих побед и поражений, интриг, провокации, измены и предательства, революции. Десятый армейский корпус на полях сражений первого периода Великой войны. Александрия, 1924. С. 25. (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 1.)

² Алабин И. М. Российские генералы, погибшие и умершие при исполнении служебного долга в период Отечественной войны 1914–1918 гг. Материалы к биографическому словарю. Выпуск I. М., 2003.

энергии продолжать и дальше бой. Мое резюме было полно сочувствия временному неудачнику, а описание и приложенные к нему кроки местности совершенно оправдывали в глазах нового командарма поведение бригады. Никаких последствий ни для нее, ни для ее начальника этот эпизод не имел. Отдав именем командарма приказание собрать в этой “чертовой балке” брошенное оружие и захватив несколько винтовок русских и австрийских в автомобиль, я вернулся в штабм...

Бои под Равой-Русской закончились для нашего оружия удачно, но зато результаты всего сражения были сильно скомпрометированы: 3-я армия не вышла на сообщения противника, а должна была драться в лоб с превосходными силами, переброшенными с северного направления»¹.

В дальнейшем – в течение лета – осени 1914 г. – ситуация на австрийском фронте стала складываться в пользу российских войск, в то же время на германском фронте наблюдалась обратная картина.

Германскому командованию в ходе одной из самых эффектных операций за всю войну в августе 1914 г. на территории Восточной Пруссии удалось последовательно разгромить две армии русского Северо-Западного фронта: 13–17 августа была разбита 2-я армия генерала А.В. Самсонова, 27–31 августа та же участь постигла 1-ю армию генерала П.К. Ренненкампа.

Катастрофа 2-й армии в сражении при Сольдау-Алленштейне, называемом также «Каннами мировой войны» и «Битвой под Танненбергом», произвела неизгладимое впечатление на русское верховное командование. Впервые за всю историю русской армии одного генерала попало в плен около двух десятков!

После победы 1-й русской армии под Гумбинненом⁹ командование Северо-Западного фронта, спеша выполнить союзнические обязательства, бросило вглубь Восточной Пруссии не успевшую еще сосредоточиться 2-ю армию генерала Самсонова. Предвзятое мнение главнокомандующего фронтом генерала Я.Г. Жилинского о том, что 2-я армия будет иметь дело с разбитыми под Гумбинненом немцами, чьи пути отступления она должна перехватить, бездарное руководство операцией со стороны штаба фронта, а также ошибки командующего армией генерала Самсонова и его штаба привели к катастрофе – 2-я армия была совершенно разгромлена, при этом значительная часть ее (центральные корпуса) попала в окружение. В окружении оказались XIII армейский корпус (1-я и 36-я пехотные дивизии), XV армейский корпус (6-я и 8-я пехотные дивизии), части XXIII армейского корпуса (2-я пехотная дивизия и лейб-гвардии Кексгольмский полк из состава 3-й гвардейской пехотной дивизии) и сводная бригада 6-й кавалерийской дивизии.

Движение самсоновской армии крайне беспокоило германское командование, поставив его перед необходимостью очистить Восточную Пруссию. Чтобы избежать этого, 2-ю русскую армию нужно было во что бы то ни стало разгромить. Первая попытка, предпринятая с этой целью XX немецким армейским корпусом генерала Шольца, окончилась неудачей: 10 августа части XV армейского корпуса обнаружили перед своим фронтом присутствие немцев, расположившихся на укрепленной позиции. Генерал Мартос принял решение атаковать их своими двумя дивизиями. 1-я бригада 8-й пехотной дивизии получила задачу занять д. Орлау и охватить левый фланг противника. В начале боя успех сопутствовал русским войскам: ими была занята командующая высота, три

¹ Щепихин С.А. 32 месяца в штабе 3-й русской армии на фронте мировой войны // Архив Губерновского института (ИИА). S.A. Shchepikhin collection. Box 1.

артиллерийские батареи сумели воспрепятствовать подходу немецких резервов, однако к 16:30 немцам удалось подтянуть свежие части из глубины своего расположения и организовать мощную контратаку, результатом которой стал психологический перелом боя. 30-й пехотный Полтавский полк очистил д. Орлау, увлек в своем отступлении 29-й Черниговский полк. Отступление стало принимать панический характер, всякое управление частями, по словам П.Н. Богдановича¹, выскользнуло из рук. Генерал-майор Богацкий был в этот момент тяжело контужен разрывами снарядов немецкой батареи и на руках унесен в тыл. Однако усилиями ряда офицеров 1-й бригады 8-й пехотной дивизии, сумевших взять командование в свои руки после выбытия из боя командира бригады, удалось предотвратить катастрофу и совместными действиями с 6-й пехотной дивизией добиться отступления немецкого XX армейского корпуса на север уже к вечеру 10 августа. Осознав, что остановить наступающую 2-ю армию своими силами не удастся, штаб 8-й германской армии запросил в Ставке подкрепления, которые были сняты с французского фронта в самый решительный момент сражения на западе. Спешно проведя перегруппировку, получив численное преимущество и закончив сосредоточение, 13 августа германцы нанесли удары по флангам русской армии.

Левофланговый I армейский корпус, занимавший позицию у г. Уздау, хотя и понес тяжкие потери, 13-го числа удар немцев выдержал, но на следующий день в войсках распространился слух, что командир корпуса приказал отступить, и корпус покатился назад. Тщательно скрывший документальные следы своего крайне несвоевременного приказа, командир корпуса генерал Л.К. Артамонов никаких мер для упорядочения отхода не принял, из-за чего отступление постепенно приобрело беспорядочный характер и корпус выбыл из операции вплоть до 17 августа.

В тот же день, 13 августа, под удар германцев попала 2-я бригада 2-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Г.С. Аксенова, наступавшая на крайнем левом фланге центральной группы корпусов 2-й армии. Около 11 часов утра бригада вступила в бой, атаковала противника и выбила его из окопов у д. Турау. Правый фланг противника отошел ко 2-й линии окопов, а левый — к лесу. Ревельский полк атаковал и 2-ю линию. Эстляндский полк занял позицию перед лесом и держался пассивно. Это было около 3 часов пополудни. В это время фланговая пешая разведка заметила движущуюся колонну на левый фланг Ревельского полка. Как писал в своей записке генерал Мингин, со слов очевидца, русские сначала думали, что это идет помощь от I армейского корпуса, но через некоторое время увидели, что двигающаяся колонна принадлежит хотя и I корпусу, но не русскому, а I германскому.

7-й Ревельский полк, будучи окруженным противником, повел с ним жесточайший бой. Из окружения удалось пробиться отдельным группам, примерно 600 солдат из 3500.

Остатки бригады бросились отступать на юг, а генерал Аксенов присоединился к штабу дивизии^{II}. Оценивая деятельность своего подчиненного Г.С. Аксенова, генерал Мингин писал, что «командир бригады присутствовал как гастролер. Он прибыл в дивизию весной 1914 года из Туркестана с блестящей аттестацией»^{III}. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют точно установить обстоятельства попадания

^I Богданович П.Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г.: Воспоминания офицера Генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964. С. 87.

^{II} Описание действий 8-го пехотного Эстляндского полка 13 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 2332. Оп. 2. Д. 319. Л. 2–2об., 4–5об.

^{III} Записка генерала И.Ф. Мингина // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 500. Л. 7.

в плен генерала Г.С. Аксенова. Ранее мы считали, что он попал в плен при капитуляции остатков 2-й армии вместе со всем штабом 2-й пехотной дивизии. Однако в своей записке генерал Мингин писал следующее: «...Расскажу характерный случай. На рассвете (14 августа. — Ф. Г.) неизвестно откуда явился в штабе дивизии командир 2-й бригады. На мой вопрос, где его бригада, он ответил: “Не знаю”. Откуда он пришел, не последовало ответа. На мое приказание изложить в кратких словах письменно о ходе боя бригады 13 августа он ответил: “Я не умею излагать письменно, позвольте доложить на словах”. Повторив мое приказание, я уехал на позицию. Когда около 9 часов вернулся в штаб, то командира бригады там не застал. Его видел командир Калужского полка проходившим позицию полка по направлению к противнику. На вопрос командира полка, куда он идет, в ответ махнул рукой и пошел дальше. Дальнейшая судьба этого генерала осталась неизвестной»¹. Следовательно, генерал Г.С. Аксенов не попадал в плен 17 августа вместе со штабом 2-й пехотной дивизии, а был взят немцами ранее, причем не исключено, что он попал в плен утром 14 августа, сдавшись добровольно.

На правом фланге 2-й армии картина была еще более печальной. Здесь удар немцев пришелся по VI армейскому корпусу генерала А.А. Благовещенского. Преступная неосмотрительность начальника 4-й пехотной дивизии, генерала Н.Н. Комарова, принявшего германский корпус за слабый отряд и попытавшегося его атаковать, привела к полному разгрому дивизии при Гросс-Бессау². Это, в свою очередь, настолько впечатлило командира корпуса, что он отдал приказ об отступлении всем, даже не бывшим в бою частям. Поспешный отход, быстро превратившийся в беспорядочный, продолжался вплоть до 15 августа и совершенно обнажил правый фланг центральной группы корпусов 2-й армии. Никакие воздействия вышестоящего командования уже не смогли заставить генерала Благовещенского вплоть до 17 августа прийти на помощь брошенным им на произвол судьбы соседям³.

Расправившись, таким образом, с фланговыми частями, немцы хлынули в тыл XIII и XV армейским корпусам, составлявшим ядро 2-й армии.

XIII армейский корпус генерал-лейтенанта Н.А. Ключева до 15 августа наступал беспрепятственно и противника практически не встречал. Заняв 14 августа без боя г. Алленштейн, Ключев получил сообщение о тяжелом положении XV корпуса, но на помощь двинулся ему только на следующий день поздним утром. К вечеру 15 августа XIII корпус приблизился к расположению соседа и, наткнувшись на немецкие части, вступил в нерешительный бой у Грислинена. В тот момент, когда авангард развернулся и повел атаку позиций противника, на корпусной арьергард навалились германцы⁴. Таким образом, генерал Ключев обнаружил для себя, что его корпус, не успев даже войти в соприкосновение с соседними частями, оказался «в мешке»: с трех сторон он был окружен немцами, а с четвертой, южной, находились озера, перешейки между которыми могли быть в скором времени заняты ими же⁴.

Причиной создавшегося положения явились не только неверные сообщения штаба армии, дававшего запоздалые и не отвечающие обстановке сведения и приказания,

¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 500. Л. 10.

² Богданович П.Н. Указ. соч. С. 114–115.

³ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте: начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 241–244, 318–320.

⁴ Фукс В. Краткий очерк операции Наревской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года // Военный сборник. № 4. Белград, 1923. С. 139.

но и деятельность самого корпусного командира. Организация движения XIII корпуса оставляла желать много лучшего, в походе части Ключева напоминали «шествие богомольцев»¹, биваки разбивались вопреки всем походным требованиям¹¹. Бесцельные марши при почти полном отсутствии сведений о противнике утомляли войска и снижали их дух. Абсолютная неспособность Ключева к вождению войсковых масс проявилась и в его невероятной нерешительности. Колебания, сомнения, потеря времени сопровождали все его действия с того момента, как корпус вступил на территорию Восточной Пруссии. Даже в тот момент, когда случай предоставил Ключеву возможность ударить с тыла германскую дивизию, напиравшую у Грислинена на правый фланг соседнего XV корпуса, он вступил в совещание со всеми чинами корпуса, оказавшимися поблизости, вплоть до ординарцев, решая вопрос – свои перед ними или противник, открывать огонь или нет¹². В бой из всего корпуса был введен один лишь Невский полк, храбро сцепившийся с немецкой дивизией¹³. Драгоценное время для стремительной атаки было упущено, а XV корпус получил мощный удар в тыл.

Обратная картина наблюдалась в XV армейском корпусе под командованием генерала от инфантерии Н.Н. Мартоса, который вынес на себе основную тяжесть боев в Восточной Пруссии. Как отмечается в отчете комиссии генерала Пантелеева, расследовавшей обстоятельства и причины поражения 2-й армии, корпус генерала Мартоса, «расстроенный непрерывными в течение 11 дней тяжелыми переходами, 11 авг[уста] вытеснил противника с сильно укрепленной позиции Орлау, Франкенау, Михалькен, беззаветно храбро, со многими частичными успехами сражался 13, 14 и 15 авг[уста] у Мюлена, понеся при этом огромные потери убитыми и ранеными, и начал отходить после этого боя лишь по приказанию командующего 2-й армией, вследствие превосходства сил неприятеля и полного отсутствия поддержки со стороны XIII арм[ейского] корпуса»¹². То есть 13 и 14 августа, в то время как корпус генерала Ключева по вине штаба армии маршировал в пустом пространстве, на фронте XV корпуса шли упорные бои. Днем перелома явилось 15 августа: начиная с рассвета, на части XIII и XV русских корпусов со всех сторон посыпались удары немцев.

Оказавшиеся неожиданно для себя в практически полном окружении русские войска оказывали яростное сопротивление германцам, командованию которых пришлось пережить ряд крайне болезненных эпизодов. Ранним утром 15 августа благодаря исключительной предусмотрительности командира корпуса, генерала Мартоса, вовремя перегруппировавшего свои части, в бою под д. Ваплиц была совершенно разбита и рассеяна германская дивизия, пытавшаяся наступать в тыл XV корпуса. Общее руководство действиями бригады 8-й пехотной дивизии, сыгравшей главную роль в этом сражении, осуществлял сам командир корпуса. Немалые потери немецкие части понесли от искусного огня артиллерии XV корпуса, которой руководил генерал-лейтенант М.Г. Мальковский¹⁴. Удар в тыл германцам нанесла 1-я бригада 2-й пехотной дивизии под командованием полковника Н.И. Глобачева, взявшая с боя 13 орудий противника¹⁵. На другом участке

¹ Отчет генерала Ключева // ГА РФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 42. Л. 41.

¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 675. Л. 3.

¹² Беннигсен Г.П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году // Военная быль. 1959. № 37. С. 8–10; № 38. С. 4.

¹⁴ Евсеев Н.Ф. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. С. 213–218.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2332. Оп. 2. Д. 239. Л. 8–12; Евсеев Н.Ф. Указ. соч. С. 216–217.

фронта наступление неприятеля было отбито одним лишь огнем 6-й артиллерийской бригады генерал-майора Ф.Л. Семенчука¹.

Однако подавляющее превосходство сил германцев, охвативших со всех сторон русские части, все сильнее и сильнее давало о себе знать. На левом фланге XV корпуса был отрезан от своих и практически уничтожен 22-й пехотный Нижегородский полк. При этом при захвате перевязочного пункта в Гансхорне немцами был пленен командир 1-й бригады 6-й пехотной дивизии генерал-майор С.П. Илинский. Доблестный генерал, имевший золотое оружие еще за Китайскую кампанию, весь день 15 августа лично водил свои полки в атаки, пока не был ранен^{II}. В истории 147-го пехотного (2-го Мазурского) полка 41-й пехотной дивизии германской армии так описан захват Гансхорна: «Около 7:15 вечера полковник Ницш (командир полка. — Ф. Г.) мог доложить, что Гансхорн взят. Дикое ликование от победы охватило людей. Несмотря на то, что при вступлении в городок, их обстреливали со всех сторон, ни один и не подумал прятаться. Спокойно вели огонь по убегающему врагу, обыскивали дома и усадьбы, беря в плен по возможности большое число русских. (Мушкетер Брошио из 1-й роты уже на следующий день вернулся с 2 офицерами и 15 солдатами, которых он нашел в стогу сена и взял в плен). В самом городке царила дикая сумятица. Солдаты всех рот искали сборные пункты, пленные русские бродили промеж них. Длинные вереницы пленных отводили в тыл в Мюлен, пока усталые солдаты искали себе кров в немногих уцелевших хлевах и сараях. Трофеи этого дня составили более 2000 пленных (среди них один генерал), 18 орудий и множество пулеметов»^{III}.

В то же время на другом конце фронта, близ г. Алленштейна, была уничтожена часть обоза XIII армейского корпуса. Будучи контуженным, в этом бою в плен попал оказавшийся здесь же председатель корпусного суда генерал-майор Ф.П. Войцехович.

Следовавший по шоссе в лесу обоз XIII корпуса неожиданно подвергся сильнейшему обстрелу в девяти километрах к юго-востоку от Алленштейна. Рота прикрытия, вступившая в бой с неприятелем, сразу же потеряла всех офицеров. Немцы нещадно расстреливали артиллерийским и пулеметным огнем части обоза, включая санитарные повозки и повозки с ранеными. Видя огромные потери и обход противника с флангов, оставшийся старшим генерал Войцехович приказал отходить в сторону Алленштейна, но вскоре все лошади и ездовые в обозе были убиты или ранены, а большая часть повозок разбита. Рота прикрытия, расстреляв все патроны, принуждена была положить оружие, и разгромленный обоз достался немцам. Генерал Войцехович, тяжело раненный и находившийся без сознания, был подобран немцами в непосредственной близости от шоссе^{IV}.

Днем 15 августа в районе д. Рончхен удар целой германской дивизии принял на себя лейб-гвардии Кексгольмский полк генерал-майора А.М. Малиновского, прикрывавший с запада тыл центральной группы корпусов 2-й армии. Весь день кексгольмцы, истекая кровью, сдерживали неприятеля, переходя в штыковые атаки и на время даже захватив вражеские окопы. Однако к вечеру полк, охваченный с трех сторон и потерявший более

^I Евсеев Н.Ф. Указ. соч. С. 221.

^{II} Богданович П.Н. Указ. соч. С. 181.

^{III} Siebert, Heinrich. Geschichte des Infanterie-Regiments Generalfeldmarschall von Hindenburg (2. Masurisches) Nr. 147 im Weltkriege. Berlin, Oldenburg, 1927 (Erinnerungsblätter, preuß. Anteil, Band 202. P. 41).

^{IV} Рапорт старшего врача санитарно-гигиенического отряда при XIII армейском корпусе А.П. Орлова // РГВИА. Ф. 4318. Оп. 4. Д. 8. Л. 2–3 об.

половины состава, вынужден был отступить¹. В еще более сложном положении оказались части 2-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта И.Ф. Мингина, сражавшиеся в этот день бок о бок с Кексгольмским полком. Пожалуй, ни одной из дивизий самсоновской армии не пришлось так тяжело, как 2-й пехотной. С 13 августа войска генерала Мингина непрерывно дрались с много превосходящими силами противника при полном отсутствии подвоза боеприпасов и питания: не было дивизионного обоза. Последние бои, 15–16 августа, происходили в совершенно невозможных условиях: частям 2-й дивизии приходилось постоянно отбиваться на три стороны, «...потери были настолько велики, что... в ротах не было в среднем более 25–30 человек; роты продолжали таять на своих позициях от постоянных потерь. Стрелять было нечем. Патроны и снаряды приходили к концу, парки были пусты»^{II}.

К вечеру 15 августа, когда стало ясно, что противник уже глубоко охватил фланги центральной группы корпусов 2-й армии, командующий армией – генерал Самсонов – приказал XIII и XV корпусам отходить. Общее руководство отступлением должен был осуществлять командир XV корпуса генерал Мартос, своими победами заслуживший большой авторитет в глазах командующего. Самсонов направил его в тыл для распределения и устройства отступающих частей и организации сопротивления на новых позициях. Это явилось роковой ошибкой: тылы корпусов были перехвачены противником, и оторванный от своих частей генерал Мартос уже ничего не мог сделать. В то же время истощенные непрерывными боями полки XV корпуса, лишившиеся своего командира и вынужденные отходить под ударами германцев через леса, быстро утратили всякую организацию и стали неуправляемыми. Более того, в войсках разнесся слух о гибели Мартоса, что крайне негативно отразилось на боевом духе офицеров и солдат^{III}. Командование разрозненными частями корпуса принял на себя начальник 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Е.Э. Фитингоф.

Весь день 16 августа дезорганизованные части XIII и XV корпусов отступали на юг. Все дороги были заполнены повозками, орудиями, людьми. На общем фоне выделялись образцовым порядком лишь остатки бригады полковника Н.И. Глобачева, заслужившего за это похвалу от командира XIII корпуса генерала Ключева^{IV}, и лейб-гвардии Кексгольмский полк. Отступая к русской границе, Ключев оставлял в озерных дефиле слабые арьергарды, которые своим недолгим, но стойким сопротивлением призваны были облегчать отход основным силам XIII корпуса. На рассвете 16 августа, пропустив по дороге на юг части XIII корпуса, командир корпуса прикрыл их движение со стороны Доротова 144-м пехотным Каширским полком без артиллерии. Немцы, быстро обнаружившие движение русского корпуса, стали напирать на арьергард, расположившийся у м. Меркен, со стороны Доротова, засыпая при этом его позицию снарядами. Положение осложнялось тем, что проход частей через узкую (шириной не более двух сажень) плотину на перешейке осуществлялся медленно. Положение арьергардного полка становилось с каждой минутой все более и более тяжелым. Полк был окружен

^I Реляция боевых действий лейб-гвардии Кексгольмского полка, с 15 по 17 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 2323. Оп. 1. Д. 152. Л. 2–3.

^{II} Доклад правительственной комиссии, назначенной в 1914 г. для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген[ерала] Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 г. С. 591.

^{III} Богданович П.Н. Указ. соч. С. 223–224.

^{IV} Реляция действий полков 1-й бригады 2-й пехотной дивизии // РГВИА. Ф. 2332. Оп. 2. Д. 239. Л. 14 об.

с трех сторон и разгромлен немцами, но предельная энергия, проявленная командиром – полковником Каховским – и его солдатами, позволила корпусу выиграть время и пройти узкий перешеек. Полная гибель полка сделала невозможным подробное описание этого боя русскими исследователями и мемуаристами, однако во всех многочисленных рассказах упоминается лишь полковник Каховский и ничего не говорится о роли генерал-майора Калюжного, бывшего по должности командира бригады формальным начальником арьергарда. Единственный известный нам очевидец боя арьергарда, ефрейтор Шумейкин, сообщил по возвращении из плена о том, что бригадный генерал Калюжный был убит утром («снаряд попал в живот»¹), следовательно, не исключено, что это произошло еще до боя 144-го пехотного Каширского полка у озерного дефила близ Меркена. Но вполне может быть, что генерал Калюжный погиб совершенно иначе. Такое предположение можно сделать, сопоставив факты, изложенные в русских источниках, с фрагментом полковой истории 76-го ландверного пехотного полка, описывающей бой у Меркена: «Было около 10 часов (утра 16 августа. – Ф. Г.), когда II батальон 76-го ландв[ерного] пех[отного] п[олка] подошел к дефила в озерах. Он наткнулся на вражескую пехоту, которая удерживала лесистый берег озер. Вражеская артиллерия на высотах у озер обстреливала лес. <...> Пока 5-я рота 76-го ландверного пехотного полка шла по оврагу к зданию мельницы, 6-я и 7-я роты взяли мосты в дефила. 6-я, после того как штурмовала русскую позицию на шоссе Меркен – Шлагамюле, повернула направо на восток. В лесах (перед Плаутцигским оз. и оз. Став) сопротивление было слабое. Взяли много пленных. Упорно бились русские при Шлагамюле. С близкой дистанции в лесу страшно трещали винтовки, такого я больше не слышал за всю войну. Когда мы прорвались через лес, мельница оказалась справа от нас. Все ринулись туда, т. к. мы из-за ручья перед нами не могли штурмовать дальше. На мельнице стреляли из верхних окон, в т. ч. один русский генерал – из револьвера. С примкнутыми штыками мы рванулись вперед. Солдаты 6-й роты застрелили генерала. У него были две орденские колодки на груди, которые один солдат срезал. Пока он был занят второй орденской колодкой, из соседней комнаты ворвались русские. Спасти он смог, только скатившись бегом по лестнице. Он показал мне орден и рассказал о случившемся. Тут как раз подъехал ген[ерал] фон Эртцен. Мы показали ему длинную орденскую колодку. Он сказал: “Где же вы оставили генерала?” – “Он застрелен, господин генерал”. – “Почему вы не взяли его в плен?” – “Но он бы тогда меня застрелил”. Русские бежали, некоторые заползли под мост. Их кололи штыками сверху или стреляли. Ручей был красен от крови. Вдруг стрекот выстрелов замер как по команде. Русские сдались. Нас охватило неопишное ликование, когда нескончаемые колонны пленных русских проходили мимо нас. Прекрасные русские кони без седоков носились вокруг. Ген[ерал] фон Эртцен крикнул нам: “Возьмите же их, это ваши трофеи, они принадлежат вам!”»¹¹

Несмотря на героизм отдельных частей, в целом XIII армейский корпус отходил хаотично, теряя людей в кровавых и безнадежных арьергардных боях. Тогда же, 16 августа, был фактически раздавлен превосходящими силами германцев у д. Радомин прикрывавший отступление XV корпуса лейб-гвардии Кексгольмский полк, остатки которого стали

¹ Показания ефрейтора 144-го пехотного Каширского полка Григория Шумейкина // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545. Л. 561.

¹¹ Landwehr-Infanterie-Regiment 76 im Weltkriege / Heinrich Holsten unter Mitarbeit von Wilhelm Borchers, Johann Junge und Hans Raspe. Druck R. Stelzer; Stade, 1938.

отступить к русской границе. Командир полка, генерал А.М. Малиновский, был контужен в бою фугасным снарядом, но продолжал, придя в сознание, командовать полком¹³.

Агония центральной группы соединений 2-й армии началась на исходе 16 августа. «Когда к вечеру... остатки XIII и XV корпусов втянулись в Грюнфлисский (Кальтенборнский) лес, то здесь все части окончательно перемешались, всякое командование было утрачено, и все попытки пробиться через огневое кольцо германцев совершались уже без плана и управлений. После нескольких безуспешных попыток пробиться, остатки XIII, XV и XXIII корпусов частью рассыпались, частью разбились на отдельные группы, которые, не находя свободного выхода из леса, стали постепенно сдаваться неприятелю в плен»¹.

Полковник П.Н. Богданович, бывший в то время в чине капитана старшим адъютантом штаба 8-й пехотной дивизии, так описывает день 17 августа: «...Леса через свои восточные опушки выбрасывают все новые и новые зеленоватые волны русских. Большинство батальонов, рот, сотен, батарей, парков и обозов инстинктивно струились по тем направлениям, по которым они неделю тому назад входили в пределы Восточной Пруссии. Шла беспорядочная, жестокая и торопливая бойня... Наши боеспособные части спешили любой ценой и любой кровью вырваться из захлестнувшей их петли. Немцы, дорожа каждой минутой, рвались возможно скорее ликвидировать задыхавшиеся в тисках окружения русские войска... Нервы были взвинчены до такой степени, что рассудку оставалось слишком мало места. Мы в каждом движении на востоке видели части шестого корпуса. Немцам повсюду мерещился подходящий на выручку Ренненкампф, который не только вырвет из зубов богатую добычу, но и их же самих обратит в толпы пленных. В такой атмосфере с обеих сторон ручьями лилась кровь, обе стороны проявили чудеса храбрости, и обе стороны выказали крайний предел жестокости. Батальоны и батареи обеих сторон открывали огонь перед собою, уничтожались с тыла огнем противника, который, в свою очередь, погибал от фланговой атаки. И на той, и на другой стороне вспыхивала паника, и свои несли кровавые потери от собственного же огня...»¹¹ Остатки XIII, XV и XXIII корпусов, никем почти не управляемые, проявляя чудеса героизма, артиллерийским огнем и штыковыми атаками сбивали противника, брали пленных и трофеи, но все больше и больше таяли под чудовищным огнем. Утром 17 августа немцы считали основные силы XIII армейского корпуса еще способными к сопротивлению. Из полковой истории 5-го гусарского полка: «В утренних сумерках 30 августа, примерно в 4:45 утра, вновь стала слышна стрельба у постов. Я опять отправился к выезду на Нейденбург. Оттуда было видно, что речь идет об атаке всеми родами войск. Этому способствовало то, что западнее Кальтенборна лес полукругом огibal деревню на расстоянии всего в 400–500 м. Вскоре к огню винтовок добавились выстрелы русских пулеметов и орудий. Пост был усилен личным составом 3-го и 4-го эскадронов. Вскоре по мощи русского огня стало ясно, что они во много раз нас превосходят. Это были головные части русского XIII а[рмейского] к[орпуса], которые сражались здесь за прорыв на восток под личным руководством командира корпуса ген[ерала] Ключева»¹¹¹. Но к середине дня моральное состояние генералитета было уже в высшей степени подавлено всем происходящим. Отсутствие воли к сопротивлению и потеря надежды на успешный прорыв из окружения привели к капитуляции

¹ Доклад правительственной комиссии, назначенной в 1914 г... С. 558.

¹¹ Богданович П.Н. Указ. соч. С. 240–241.

¹¹¹ Zipfel, Ernst. Geschichte des Husaren-Regiments Fürst Blücher von Wahlstatt (Pommersches) im Weltkriege 1914–1918 (Band 13 des preuß. Anteils der Erinnerungsblätter). Zeulenroda, 1930.

в Грюнфлиссском лесу у д. Заддек большой группы смешанных русских частей, произошедшей около трех-четырёх часов дня 17 августа по приказу командира XIII армейского корпуса генерал-лейтенанта Н.А. Ключева¹. К сожалению, хаос, происходивший в последние часы существования окруженных русских войск, и крайняя немногочисленность документальных источников не позволяют точно установить место и обстоятельства пленения всех генералов самсоновской армии. Достоверно известно, что вместе с генералом Ключевым сдались начальник 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А.А. Угрюмов и начальник штаба XIII корпуса генерал-майор Е.Ф. Пестич². Вероятно, здесь же попал в плен инспектор артиллерии XIII корпуса генерал-лейтенант В.И. Масалитинов. Сам генерал Ключев в записке, присланной из плена, весьма скупо описал собственное пленение: «Люди шли сравнительно спокойно, тем более что противник особенного поражения не наносил; наша артиллерия подбадривала людей и сдерживала противника. Но видно было, что дело идет к концу, так как люди стали таять: куда они девались, трудно даже понять. Из массы в 15 тысяч, вышедших из Мушакенского леса, после 2–3 часов хода осталось 3–4 тысячи. Когда прошли Саддек, то на открытой площадке попали под перекрестный шрапнельный огонь, и это докончило надрыв; все шарахнулись в сторону, все, что было на конях, поскакало; сдерживать лошадей было уже невозможно. Командир корпуса, находясь впереди, хотел пройти дальше, но у леса в Рейхсвердер показались справа, слева и спереди немцы, сзади уже сдавались. Здесь, в лесу, 17 августа в 2 часа дня и был взят в плен командир корпуса. В последнюю минуту группу начальников обстреливали свои. Стреляли почти что в упор, а потом стали вылезать из кустов с испуганными лицами – казаки»³. Как следует из приведенного фрагмента записки, генерал Ключев хотел представить дело так, что он был именно «взят» в плен, а не капитулировал, размахивая платком, как это было в действительности. В своем письме генералу Д.Г. Щербачеву, написанном после возвращения из плена (в 1919 г.), он пошел еще дальше и стал утверждать следующее: «...Части перемешались. Люди и лошади были измучены донельзя от непрерывного двухнедельного марша, последних бессонных ночей и двухдневной голодовки. Управление в обычном смысле этого слова стало невозможным. 17 августа было лишь агонией потерявших порядок частей. Ни о какой сдаче и речи быть не может. Немцы прямо захватывали рассеивавшиеся на всем районе более или менее значительные группы»⁴.

Полковник Богданович оставил в своих воспоминаниях довольно подробный рассказ об обстоятельствах этой капитуляции: «...Я проехал через небольшой перелесок, отделявший нас от штаба XIII корпуса, и перед глазами открылась следующая картина. Слева стояла в полной боевой готовности немецкая конная батарея, до нее было не больше

¹ Помимо моральной подавленности, войска и их начальники испытывали сильное физическое изнеможение. По одному свидетельству, генерал Ключев к моменту капитуляции не спал десять ночей подряд. См.: Военная мысль в изгнании. М., 1999. С. 295.

² Записка генерала Пантелеева и материалы к ней о производстве расследования деятельности старших войсковых начальников и командного состава в боях под Сольдау и Нейденбургом 15–17 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 790. Л. 19; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 6–10.

³ Записка генерала Ключева, присланная из плена // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 496. Л. 159.

⁴ Hoover Institution Archive, Stanford University. Lampe collection. Box 10; Письмо Н.А. Ключева Д.Г. Щербачеву и генералу Калишевскому. См. также: Д.Г. Щербачев. Письмо ген. Ключева от 17 мая 1919 года Щербачеву о военных действиях под Алленштейном // РГВА. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 67.

300–400 метров; немцы молча стояли и смотрели. Толпой в 3–4 тысячи человек, почти без оружия, без фуражек и сапог, с лицами каких-то одержимых, наши стремились на восток; кругом этой толпы дико носились с обрубленными построшками обозные, тоже без фуражек и сапог. Справа, но много дальше, стояла, тоже молча, на позиции немецкая пешая батарея; впереди, в клубах пыли, на нас шагом надвигалась немецкая конница... В середине толпы реял флаг командира XIII корпуса, с трудом я продрался туда. В этот момент находившийся там генерал Ключев громко сказал приблизительно следующее: “Дальнейшее сопротивление нахожу невозможным и во избежание бесполезного кровопролития приказываю сдать; желающие пробиваться индивидуальным порядком могут делать это”. Затем, обращаясь к своему ординарцу — ротмистру или штабс-ротмистру одного из гусарских полков, произнес: “Ротмистр, берите трубача и белый флаг, отправляйтесь вперед и скажите немцам, что мы сдаемся”. Ротмистр исполнил приказание, происшедшее стало моментально известно толпе, и в воздухе замелькали белые платки и ночные рубахи. Через короткий промежуток времени ротмистр вернулся и указал направления, по которым должны следовать офицеры и отдельно солдаты...»¹⁴

Один из офицеров 4-го пехотного Копорского полка, подпоручик Войтовский, «подтверждая в общем обстановку сдачи в плен колонны ген[ерала] Ключева», свидетельствовал, что, «подходя к упомянутой выше колонне, он увидел начальника 1-й пех[отной] дивизии ген[ерала] Угрюмова в крайне подавленном состоянии. Находившиеся тут же разоружавшиеся офицеры, большей частью артиллеристы, предлагали разоружиться и подпоручику Войтовскому, говоря, что корпусной командир сдался и разрешил сдаваться всем. Действительно, пройдя несколько вперед, подпоручик Войтовский увидел нижних чинов, стоявших с поднятыми вверх руками, сдающихся немцам, а затем увидел, что ген[ерал] Угрюмов в сопровождении нижних чинов, державших белые платки, направился к тому месту, где происходила сдача в плен»¹. Спустя несколько часов начальник штаба XIII армейского корпуса генерал Пестич, находясь уже в плену, направил капитана Богдановича объехать еще сопротивляющиеся части с приказом капитулировать¹¹.

Так описывал обстоятельства сдачи в плен штаба XIII корпуса генерал Мингин: «...Мы заметили около маленькой рожицы штаб XIII а[рмейского] к[орпуса] с 1½ десятка казаков конвоя, которые вертятся на месте. Когда мы подъехали туда, то я видел, что к западной стороне рожицы прикатили около 8 человек пулеметчиков на велосипедах и открыли по нас огонь, причем убили несколько казаков. Тут временно командующий армией (генерал Ключев. — Ф. Г.) обратился ко мне с вопросом: “Что нам делать?” Я ему ответил: “Вы сами видите обстановку; сделайте, что хотите. Мне все безразлично”. Мы стали с моими штабными перед рожицей и смотрели на работу пулеметчиков противника, которые со всей энергией нас обстреливали. Стреляли по нас не менее получаса и никого из нас не только не убили, но и не ранили. Во время этой стрельбы мы обменялись мнением, что немцы очень плохо стреляют. В это время временно командующий армией вынул носовой платок с красной каемкой и стал им махать в воздухе. Мы с любопытством наблюдали, чем кончится это махание платком. Немцы все это время по нас стреляют. На помощь выступил генерал Пестич со своим планом, а именно предложил снять с казака рубашку, нацепить ее на острие пики и выставить по возможности выше. Этот план был одобрен и приведен в исполнение с полным успехом. Немцы прекратили огонь

¹ Богданович П. Н. Указ. соч. С. 243–244.

¹¹ Там же. С. 245.

и стали к нам подходить с большой осторожностью. Их было, сколько можно было заметить, немного. Главная их сила состояла из вышеупомянутых пулеметчиков. Когда мы походили с лошадей, тогда они храбрее подошли к нам и стали нас обезоруживать. Один храбрый лейтенант подскочил ко мне, прямо сорвал с меня шашку, револьвер и бинокль. Все это он надел на себя, сел на мою лошадь и поскакал к своим на запад. Покуда обезоруживали других и старшие обеих сторон вели какие-то переговоры, ко мне подошел командир немецкой артиллерийской бригады и вступил со мною в разговор. Он начал расспрашивать меня, какое мнение я себе составил о качестве их тяжелой артиллерии. На это я ему ответил, что теперь не место и не время об этом говорить. Он мне заявил, что об этом теперь можно смело говорить, так как русская армия разбита, следовательно, войне конец, что мы с ним товарищи по оружию, почему нам обоим интересно обменяться мнениями по части артиллерии. На мой ответ, что я начальник пехотной дивизии, он мне сказал, что он отлично знает, что я артиллерист, и что он с интересом читал мои статьи, касающиеся артиллерии. Мне надоела его бестактность, и я ему ответил: «То обстоятельство, что Вам удалось разбить нашу армию, не является концом войны, а напротив, продолжит войну еще на год, а может быть, на два!» После этого моего ответа мой новый товарищ по оружию сильно покраснел и, не простившись, ушел от меня. Когда нас обезоружили, то разбили на группы и повели в деревню. Там старших начальников заперли в избушку, подкинули каждому немного соломы и угостили тарелкой похлебки. Остальных офицеров загнали в загородку у этой же избушки, но им не дали ни соломы, ни похлебки¹. Описанная генералом Мингиным сдача происходила в арьергарде основных сил, пробивавшихся по Грюнфлисскому лесу, где следовали остатки его 2-й пехотной дивизии. Сама сдача произошла, вероятно, около полудня 17 августа в лесу в районе м. Вуевкен, где эти остатки были окружены и после непродолжительного боя пленены. Здесь германцами был захвачен сам начальник дивизии генерал-лейтенант И. Ф. Мингин. Вместе с ним, вероятно, попал в плен командир 2-й артиллерийской бригады генерал-майор Л. Ф. Гартунг¹⁵. Выручить окруженные части генерала Мингина попытался по приказу командира XIII корпуса командующий 1-й бригадой 2-й пехотной дивизии полковник Н. И. Глобачев, однако попытка эта была безуспешна¹⁶. Самому Глобачеву удалось в этот раз избежать плена, пробившись сквозь окружение. Но — от судьбы не уйдешь — спустя год, уже в чине генерала, он все-таки был пленен при капитуляции Новогеоргиевской крепости. Чрезвычайно интересен рассказ полковника Глобачева о событиях второй половины дня 17 августа, тем более что он содержит описание обстоятельств, при которых попали в плен начальник 36-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. Б. Преженцов и командир 36-й артиллерийской бригады генерал-майор А. А. Ден¹⁷: «...Часам к четырем дня остатки колонны вышли с полковником Глобачевым и подполковником Бучинским к д. Валендорф. Из оставшихся людей пришлось составить два небольших взвода... Д. Валендорф в это время была занята колонной XIII корпуса: в деревне находился начальник 36-й дивизии генерал Преженцов, колонной же командовал кто-то из командиров полков этого корпуса. Полковник Глобачев испросил разрешения у генерал-лейтенанта Преженцова двигаться рядом с колонной, что и было разрешено. Часов около четырех колонна начала двигаться по дороге на д. Каннвизен, где она

¹ Записка генерала И. Ф. Мингина. Л. 7, 29.

¹⁷ В довольно объемных, подробных и обстоятельно написанных воспоминаниях о действиях своей бригады, подготовленных в плену, генерал Ден ни словом не обмолвился об обстоятельствах своего попадания в плен.

должна была ночевать. Состав колонны был пестрый, встречались люди разных полков. Шла вся артиллерийская бригада, а за ней — парковая бригада непосредственно; части колонны шли по сторонам, охраняя эти парки... Порядка в парковой бригаде не замечалось, люди шумели и все время перекликались. По дороге уже встречались разбитые повозки... Дорога с обеих сторон была огорожена изгородью из колючей проволоки. Парки двигались по дороге. Не прошло и четверти часа, как со стороны дороги стали кричать ездвые: “Немцы, немцы, кавалерия”. Началась паника. Пехота открыла беспорядочную стрельбу во все стороны. Пули стали ранить людей взводов; часть людей даже бросилась в сторону... Не успели остатки взводов продвинуться вперед на 500–600 шагов, как открылась нижеследующая картина: шагах в 200–300 у перекрестка дороги и просеки у небольшой поляны стояла небольшая группа немецких кавалеристов с белыми флагами, около них — несколько наших офицеров верховых и пеших; несколько поодаль стояли небольшие кавалерийская часть и пехотные части германцев. Наши ездвые слезали с лошадей, и было слышно, как один из немецких офицеров на русском языке требовал отхода сдавшихся людей в сторону. Не раздумывая долго, взводы немедленно открыли огонь по немецким частям. Немцы быстро стали отвечать, обстреливая лес, при этом показались еще небольшие пехотные части. Полковник Глобачев приказал перебежать дорогу и скрыться в густой молодой лес к северу. Отдельные группы людей продвигались без выстрелов в молодняк; германцы продолжали стрелять усиленным огнем. Отойдя к северу густым лесом около версты, стали собирать людей. Вышли немногие, остальные, видимо, разбрелись по лесу, но зато стали присоединяться группы безоружных людей, преимущественно из парков, многие были без сапог, фуражек и шинелей. Отойдя еще в сторону несколько сажений, приостановились у перекрестка просек. Было около семи часов вечера... В разных частях леса раздавались одиночные выстрелы, иногда залпами. Видимо, небольшие германские части по просекам расстреливали одиночных людей. В это время один из дозорных доложил, что справа по просеке движется всадник с белым флагом, через несколько минут подъехал русский артиллерийский офицер (кажется, поручик) с большим белым флагом в руках, без оружия и доложил следующее: “Генерал Ден в плену, я тоже в плену, Вы со всех сторон окружены; немцы говорят, что Каннвизен сильно укреплен — Вам не пробиться. Мне приказано собирать людей в плен”. Сказав этому офицеру, что мы в плен не собираемся идти, и предложив этому офицеру убираться, куда он хочет, полковник Глобачев двинулся с группой людей влево, но некоторые люди, видимо, отошли к этому офицеру. Обсудив положение с подполковником Бучинским, видя около себя часть людей без оружия и босых, с другой стороны, зная, что все перекрестки заняты германскими конными дозорами и что в таком положении большой группой с безоружными людьми к границе пробраться нельзя, полковник Глобачев часов в семь вечера приказал пешим людям рассыпаться и одиночными группами пробираться к югу — к границе, считая при этом, что отдельные люди и группы хоть частью пробьются к границе и избегнут плена, что и было выполнено...»¹ Однако немецкие полковые истории дают несколько иную, не такую беспросветную картину гибели и пленения 36-й пехотной дивизии и 36-й артиллерийской бригады, какая представилась взору полковника Глобачева. Так, в истории 33-го фузилерного полка сказано: «...Рядом с Ул-лешеном батальон в 1 час дня был яростно обстрелян из винтовок с опушки леса западнее деревни. Прежде чем мы смогли пойти в штыковую атаку, противник, засевавший

¹ РГВИА. Ф. 2332. Оп. 2. Д. 239. Л. 17–18.

в картофельных грядках, сдался. Однако в 1 км восточнее Уллешена, где сходились три дороги, стоявшая на открытой позиции русская батарея по-прежнему стреляла, фланкируя и нанося чувствительные потери батальону. Батальон пошел на штурм, а батарея, оборонявшаяся до последнего человека, была взята в неудержимом порыве третьим взводом 10-й роты лейтенанта резерва Шпикина и взводом лейтенанта Маккетанца из 11-й роты. Храбрая прислуга орудий погибла или была ранена. Последним за канонира встал капитан, одетый только лишь в брюки, а на верхней половине туловища у него во многих местах сочилась кровь. В усадьбе за батареей сидел, погруженный в глубокую депрессию, командир русской 36-й артиллерийской бригады со своим штабом, а вокруг него – раненые и умирающие. Он, покачав головой, отклонил предложенную ему сигару.

После краткого обеденного отдыха продолжили марш на Мальгаофен. Из-за множества пленных, которые были распределены по ротам, батальон чрезвычайно сильно растянулся, а перед ним в колонну двинулась батарея. Путь был полностью прегражден русскими обозами и передками, на которых сидели канониры, частью убитые – там, где их застал обстрел. На одной из повозок лежали кучей музыкальные инструменты нескольких полковых оркестров и обоюдоострые ножи, карабины и сабли кавказских казаков. На одной из повозок с винтовками пулеметная рота везла пленного русского генерала, который, завидя лес, сказал: “Этот лес – наш друг и ваш враг”. К сожалению, его словам суждено было в точности сбыться. Унтер-офицер Пикац, тогда фузилер 12-й роты, рассказывал так:

“В бою я с поручением был отправлен в штаб батальона. Ко мне присоединились два моих товарища. Внезапно мы заметили вдалеке русского офицера. Мы последовали за ним до одного домика, обнесенного изгородью, перед дверями которого стоял вражеский солдат на посту. Я знаками показал ему, чтобы он сдал оружие, он, глядя на двух моих солдат, так и сделал. Теперь мы вошли в усадьбу. То было лесничество Уссамак. И что же мы увидели? Наружу вышло множество русских, все с винтовками. Не теряя мужества, я проревел им: «Сложить оружие!» После некоторой задержки они так и сделали. Один из них, знавший немецкий, сказал мне затем, что в доме были и еще солдаты. Я отправил его внутрь с указанием, что каждый должен выйти оттуда без оружия. Меня пронизал ужас, когда я постепенно насчитал 50 русских на дворе. Мои товарищи стояли на страже, пока я всех их обыскивал. Мой ужас только увеличился, когда я узнал, что в доме были и офицеры. Теперь мы стояли перед дверью и ожидали развития событий. Долго это не продлилось, вскоре показался русский вольноопределяющийся, который бегло говорил по-немецки, и спросил, что все это значит. Вежливым тоном я объяснил ему, что они теперь все мои пленные. Он тут же исчез в глубине дома, а потом оттуда вышел старый, почтенный офицер – генерал. Я тут же подошел к нему и отобрал оружие, причем он не хотел отдавать его без сопротивления. Однако дуло направленной на него винтовки убедило его. Потом показались и остальные офицеры, человек пять, оружие у которых пришлось отбирать силой. Когда они увидели, что их ничто не может спасти, они покорились своей судьбе. Теперь уже из леса вполне отчетливо доносился звук боя, постепенно приближавшегося. Русские явно полагали, что там немцы, хотя это было вовсе не так. Поэтому и стала возможна эта покорная сдача в плен.

После того, как я выстроил пленных солдат и офицеров, мы покинули усадьбу и примерно в 500 м наткнулись на транспорт с пленными русскими, стоявший лагерем на краю леса. Я приказал моим 50 русским присоединиться к нему и отправился с офицерами дальше. Едва только мы отъехали 20 шагов, как нас внезапно обстреляли. Русский

вольноопределяющийся и один из офицеров остались лежать, застреленные своими же. Потом с остальными отправились дальше скорым шагом. Офицеры покорно шли дальше, а вот генерал вскоре заметил, что те, кто стрелял, были русские, и тут же стал отказываться идти, дескать, он больше не может бежать. Однако я показал ему винтовку, и он все же соизволил последовать за мной.

Мы дошли до другого края леса. Там я внезапно услышал грохот телеги. Увидел, что это германские пулеметы. Я заревел: «Стой! Стой!» Вышел лейтенант, которому я объяснил, что веду пленного русского генерала и офицеров. Он приказал повозке остановиться. Посадили на них офицеров и поехали дальше, чтобы добраться до других частей. Однако выхода никак не могли найти, повсюду натыкались на русских. Мы поистине оказались прямо в котле. Уже стемнело, когда лейтенант приказал остановиться и расчехлить пулемет, чтобы так ждать до утра. Однако в луче прожектора мы разглядели деревню, а перед ней на поле – войска. Патруль выяснил, что это немцы, и вскоре я смог передать своего генерала и офицеров командовавшему там штаб-офицеру»¹.

Вышедший из окружения штабс-капитан Передков, командир военно-телеграфной роты 15-го саперного батальона, находившийся утром 17 августа у д. Саддек, так описывал подробности сдачи в плен генерала Фитингофа, командовавшего XV армейским корпусом после пленения генерала Мартоса: «Дер[евня] Саддек оказалась запружена стоявшими обозами и артиллерией, и ее пришлось обходить с западной стороны. В это время выяснилось окончательно, что мы со всех сторон окружены, так как со всех сторон гремела артиллерия и трещали пулеметы. Потеряв из виду командира батальона и решив пробиваться, я разомкнул роту в цепь и двинулся вперед, но, пройдя вперед шагов 300, наткнулся на отдельный домик, на котором был выброшен белый флаг. Остановив движение и собрав роту к себе, я хотел только свернуть в сторону, как в это время проскакал конный ординарец с криком: “Сдача, начальник 8-й пех[отной] дивизии генерал Фитингоф сдается”. Рота в это время начала нести уже потери от немецкой шрапнели, а тут же была убита моя лошадь. Вокруг к домику бежали солдаты и офицеры разных частей с криками “сдача”, причем солдаты бросали патроны и ломали ружья. Видя невозможность пробиться и не считая себя вправе вести людей на верную гибель, я заявил людям, что сдаваться не желаю и что те из них, кто помнит присягу, пусть идут за мной, повернулся и пошел в западном направлении»². Факт попадания в плен генерала Фитингофа именно в это время нашел подтверждение и в другом документальном источнике³. Однако в полковой истории 3-го гренадерского (2-го Восточно-Прусского) короля Фридриха Вильгельма I полка упоминается некий плененный у Пухаловена начальник дивизии: «Около 4 дня полк пошел по направлению к Пухаловену. I батальон, 4-я и 8-я рота остались в самой деревне. 5-я и 6-я роты были командированы в лагерь военнопленных. Фузилерный батальон остался в Ройшвердере и взял на себя охранение восточнее, южнее и севернее леса, выставив форпосты из 11-й роты. На железной дороге оставленный 2-й унтер-офицерский пост (сержант Шульц) был ночью атакован отрядом русских в 30 человек. После короткого боя русские стали пленными этого поста.

¹ Lidtke L. Das Fusilier-Regiment Graf Roon (Ostpreußisches) Nr. 33 im Weltkrieg 1914/18. Berlin, 1935. P. 61–65.

² Журнал боевых действий военно-телеграфной роты 15-го саперного батальона. Л. 17 // РГВИА. Ф. 5396. Оп. 1. Д. 9.

³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 790. Л. 11 об; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 9–10. Как следует из этих документов, об участии Фитингофа ничего не было известно вплоть до 30 августа 1914 г.

Часом позже на тот же пост вышел штаб русской дивизии, генерал-лейтенант и множество офицеров. Они намеревались прорваться здесь, но были также взяты в плен¹. Единственным начальником дивизии, попавшим в плен отдельно от других генералов, был генерал Фитингоф. Но, как мы видим, обстоятельства его пленения, изложенные в российских и германских источниках, сильно отличаются друг от друга.

Довольно подробно известны обстоятельства пленения командира XV армейского корпуса генерала от инфантерии Н.Н. Мартоса, захваченного германцами при уничтожении штаба корпуса в ночь с 16 на 17 августа у д. Пухаловен¹⁷. Следуя 16 августа, по приказу командующего армией в тыл для выбора новых позиций и организации обороны их, генерал Мартос встретил по пути начальника 6-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Ф.И. Торклуса, оставившего свои части с той же целью, но уже по собственной инициативе¹⁸. Въехав в лес, конная группа генералов со штабом и конвоем подверглась артиллерийскому огню. Генерал Мартос описал обстоятельства своего пленения в «Записке о действиях XV армейского корпуса». Стоит привести этот красочный и весьма показательный рассказ полностью: «...Не зная, что впереди меня нет никого (русских частей. — Ф. Г.), я неожиданно в недалеком расстоянии от деревни попал под шрапнельный огонь немецкой батареи с дистанции не выше 700 сажен. Возле меня было ранено и убито несколько казаков, а остальные казаки конвоя рассыпались по лесу. Остались при мне только некоторые офицеры штаба и урядник с пятью казаками. Мы были со всех сторон окружены немцами, но благодаря лесу нам удалось укрыто выйти из их боевого порядка и выждать приближения наших войск. После полудня 16 августа послышалась с обеих сторон сильная канонада. Мы сообща решили ехать по лесу в направлении Янова, где могли встретить какую-нибудь прорвавшуюся колонну. Направление наше было выбрано удачно, и путь был свободен от немецких разъездов. Но вот на лесной поляне появилось два крестьянина-поляка, которые убедили нас изменить путь и направили прямо на немецкие пулеметы. Обстрелянные пулеметным и ружейным огнем, мы рассыпались в разные стороны. Здесь был убит начальник штаба XV корпуса генерал-майор Мачуговский. При мне остался один офицер, капитан Федорчуков, совершенно больной человек, и два казака на слабых лошадях. Я с ними до темноты укрывался в лесу и слышал все время передвижение новых немецких войск, которые частью следовали на восток, частью располагались в непосредственной к нам близости. Несмотря на близость немецких рот и на мое полное переутомление, жажду и голод, я, не теряя энергии, с наступлением темноты вывел, держа лошадей в поводу, оставшихся при [мне] людей из леса на открытую поляну. Здесь мы сели на лошадей, и я по звездам взял направление на юг. Пройдя часа два, я решил повернуть на восток, имея опять-таки надежду встретить прорвавшиеся из немецкого кольца какие-нибудь наши части. К несчастью, небо покрылось тучами, и я потерял возможность ориентироваться, кроме того, у меня стали появляться, вследствие утомления, световые галлюцинации. Спутники же мои совершенно были обессилены, равно как и их лошади. Скоро мы услышали движение каких-то войск. Лошади наши рвались в сторону, а казаки уверяли, что это наши. Один из казаков поехал на разведку, а мы его поджидали. Через некоторое время немцы стали нас освещать полевым прожектором. Тогда я решил скакать в сторону леса,

¹ Schillmann, Fritz. Grenadier-Regiment König Friedrich Wilhelm I. (2. Ostpreußisches) im Weltkrieg 1914–1918 (Band 118 des preuß. Anteils der Erinnerungsblätter) Oldenburg, 1924.

¹⁸ Переписка П.Н. Богдановича и А.О. Штубендорфа. Письмо А.О. Штубендорфа от 30 июня 1939 г. // Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 7. Оп. 6. Д. 9. Л. Б/н.

но не успел сделать и 100 шагов, как был обстрелян ружейным огнем почти в упор. Лошадь моя упала, и я очутился на земле, грубо подхваченный немецкими солдатами. Капитан Федорчуков закричал им, что это русский генерал, тогда они меня вежливо повели, держа за руки; пройдя 200–300 шагов, мы оказались в окопе, где немецкий офицер обезоружил меня и капитана»¹⁸. В книге военного агента британской армии генерал-майора Альфреда Нокса, состоявшего при штабе 2-й армии, содержится причудливая версия обстоятельств пленения генерала Мартоса, вероятно, распространенная среди вышедших из окружения: «Мартос ранен шрапнелью в своем автомобиле, его сопровождала жена помощника командира Муромского пех[отного] полка “Александра Александровна”, которая знала немецкий язык и была переодета мужчиной, чтобы служить в качестве переводчика. Она выскочила из автомобиля и скрылась в лесу. Говорят, что она убита»¹.

Не менее причудливую информацию о пленении Мартоса занес 2 декабря 1914 г. в свой дневник археолог В.А. Городцов: «Генерал Мартос, начальник штаба отряда Самсонова, попал в плен случайно. Он жил во 2-м этаже. В день разбития русского отряда Мартос собрал все бумаги, планы, сел в подъемную машину (лифт) и хотел спуститься вниз, но лифт застрял и закупорил генерала, как чижа в клетке. Войска были разбиты, город занят, и чижа изловили со всеми документами. Так писалось в немецких газетах. Правду, конечно, трудно установить. Русские же сильно подозревают Мартоса в простой измене, результатом которой явился разгром двух корпусов»¹¹.

Отставший от Мартоса генерал Торклус со штабом проблуждал в лесу до вечера 17 августа, когда присоединился к пробивавшемуся на юг конному отряду генерал-майора барона Н.А. Штемпеля (бригада 6-й кавалерийской дивизии), с которым и вышел из окружения¹⁹. Некоторое время с отрядом Штемпеля следовал и командир 6-й артиллерийской бригады генерал-майор Ф.Л. Семенчук, однако при проходе одного из населенных пунктов он отстал (у генерала была повреждена нога при падении с лошади) и попал в плен 17 августа¹¹¹.

У д. Малгофен 17 августа, будучи трижды раненным, попал в плен командир лейб-гвардии Кексгольмского полка генерал-майор А.М. Малиновский¹¹¹¹, в тот момент, когда полк уже практически перестал существовать. Вот как описываются в реляции последние минуты боя перед пленением генерала: «Двигаться дальше было невозможно... оставшиеся люди сводной роты заняли северо-восточную окраину деревни и отстреливались от наступающих цепей противника. В тылу показались два неприятельских эскадрона. Командир полка был ранен и, видя, что остатки полка окружены со всех сторон, приказал оставшимся в живых офицерам и нижним чинам пробиваться самостоятельно к границе. Между тем цепи противника все более и более приближались, настолько, что хорошо были слышны их предложения на русском языке сдаваться и сигналы “отбой”, на что с нашей стороны был ответ[ом] усиленный ружейный огонь. Командира полка под огнем на руках внесли в ближайшую избу, была попытка пронести [его] в лес, но губительный огонь не позволил сделать этого»¹¹¹¹¹. При кексгольмцах в ночь с 16 на 17 августа находился

¹ With the Russian Army 1914–1917. Major-General Sir Alfred Knox. London. 1921.

¹¹ *Городцов В.А.* Дневники ученого 1914–1918. В 2 кн. М., 2019. Кн. 1. С. 195.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 9–10; Переписка П.Н. Богдановича и А.О. Штубендорфа // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 7. Оп. 6. Д. 9. Л. Б/н. В письме фамилия командира 6-й артиллерийской бригады ошибочно указывается как «Скерский».

¹¹¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 7–8.

¹¹¹¹¹ РГВИА. Ф. 2323. Оп. 1. Д. 152. Л. 4–5.

и генерал Любарский — командир 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии. Ранее нам не было известно, при каких обстоятельствах он был взят в плен, но сейчас можно считать установленным, что этот генерал был захвачен немцами вместе с остатками лейб-гвардии Кексгольмского полка^I. В воспоминаниях штабс-капитана 3-й гвардейской артиллерийской бригады С.Абрамовского генералы Любарский и Малиновский упомянуты в числе участников совещания вечером 16 августа неподалеку от д. Мушакен^{II}. Вероятно, генералов Малиновского и Любарского (и кого-то из их товарищей) имел в виду автор истории 61-го пехотного полка: «...Вечером (17 августа. — Ф. Г.) 1-я рота отправилась в лес юго-западнее Мальгаофена, где были пленены около 1200 русских. Там рота наткнулась на авангард подходящего с запада I а[рмейского] к[орпуса]. Кольцо вокруг русских тем самым было замкнуто. Позже охрана и снабжение пленных были поручены 3-й роте обер-лейтенанта Виттинга. В целом под его надзором были 1 командир дивизии, 3 генерала, 60 офицеров и около 6 тысяч нижних чинов, которых он в целости доставил 1 сентября на станцию Пассенхайм и сдал тамошним чиновникам. Впечатление от того, что русские сдаются такими огромными толпами, было чрезвычайным. Даже самому простому мушкетеру было ясно, какие последствия имели напряженные маршевые переходы последних дней»^{III}. Попавший в плен у Малгофена полковник лейб-гвардии Кексгольмского полка В.И. Чашинский в своем письме полковнику лейб-гвардии Литовского полка В.П. Сияльскому (1.10.1935, Париж) сообщал: «Я был взят в плен, будучи в полном одиночестве у Малги, и в деревне встретил генерала Малиновского, генерала Малинова^{IV}, генерала Любарского и очень многих офицеров XIII корпуса; значит, в плен взяты не один генерал, как сообщают немецкие сведения, а три»^V. Под немецкими сведениями в данном случае полковник Чашинский подразумевает перечень трофеев, захваченных 21-м пехотным полком 70-й пехотной бригады 35-й дивизии в бою у Малгофена. В полковой истории этот бой описан так: «Батальон пошел в наступление, неся потери. Лейтенант Граф тяжело ранен шрапнелью. Капитан Кишке убит ружейной пулей. В 9-й роте убит лейтенант Петерс. Наступление с каждой минутой все выдыхалось. Командир батальона приказал барабанам бить, горнистам играть “Примкни штыки”. Затем скомандовал: “Марш-марш”. Сначала упорный враг, оказавшийся лейб-гвардии полком, дал отпор, но затем как-то сразу сдал. Некоторые стали убегать. Большая часть сдалась. В это время стрельба стихла и ясно донесся бой часов с деревенской колокольни.

Взяты в плен: 1 генерал, 2 штаб-офицера, 19 обер-офицеров и около 800 нижних чинов... Батальон, назначив конвой, отправил пленных в Малгу, после чего продолжал марш в Каннвизен, куда прибыл в 10 час[ов]...»^{VI} Однако полковая история 71-го полка полевой артиллерии, батарея которого действовала совместно с 21-м пехотным полком, упоминает о пленении еще одного русского генерала: «Капитан Пламбек <...> вызвал батарейного

^I Материалы к истории 3-й Гвардейской пехотной дивизии... Л. 123.

^{II} Абрамовский С. Действия 3-й батареи 3-й гвардейской артиллерийской бригады в боях в Восточной Пруссии 13–17 августа 1914 г. // Оповещение по объединению 3-й гвардейской артиллерийской бригады. Париж, 1933. № 10. С. 18.

^{III} Keiser V. Das Infanterie-Regiment (8. Pommersches) Nr. 61. Berlin.

^{IV} Генерала с такой фамилией не было среди командного состава 2-й армии. Вероятно, полковник Сияльский неточно прочел рукописный текст письма полковника Чашинского, в связи с чем мы лишены возможности узнать, кем был третий генерал, повстречавшийся Чашинскому сразу после попадания в плен.

^V Материалы к истории 3-й Гвардейской пехотной дивизии... Л. 163.

^{VI} Там же.

горниста и отдал приказ: “Поезжайте к русским и доставьте русского бригадного генерала, который намерен сдаться нам”. Через несколько минут лейтенант Кизер вернулся, а перед ним галопировал русский генерал со своим адъютантом, а за ним горнист со шпагой генерала и высоко поднятым “водительским” револьвером. Мы любезно приняли обоих господ офицеров...»^I. По русским источникам невозможно точно установить, кого именно в данном случае имел в виду автор немецкой полковой истории. Не исключено, что этим генералом был К. А. Любарский, ставший старшим после ранений генерала Малиновского.

Еще менее понятно, кого из русских генералов захватил в плен обер-лейтенант 5-го эскадрона 4-го конно-егерского полка Клейст южнее Данкхайма (неподалеку от Каннвицена) утром 17 августа^{II}.

Днем 17 августа в районе д. Омудефен при попытке прорыва во главе своих частей попал в плен командир 1-го пехотного Невского полка полковник М. Г. Первушин. Его отряду удалось на время отбросить неприятеля и даже захватить немецкие орудия, но затем Невский полк постигла та же участь: он был расстрелян огнем пулеметов и артиллерии. Доблестный командир Невцев, получив в бою три раны, в том числе штыковую, был в бессознательном состоянии подобран немецкими санитарями^{III}. За свои геройские действия в Восточной Пруссии Первушин в 1916 г. был произведен в генерал-майоры, уже после возвращения из плена.

Одним из последних, по данным источников, попал в плен командир бригады 1-й пехотной дивизии генерал-майор А. С. Сайчук. Смелый генерал, герой Порт-Артура, пытался оказывать сопротивление с остатками смешанных частей XIII корпуса до утра 18 августа. Вот что пишет об этом полковник Н. Г. Загнеев, командовавший в операции 3-м пехотным Нарвским полком, в реляции о действиях полка: «...Остальные части отряда втянулись в лес... Около шести часов вечера противник открыл огонь со всех сторон. В лесу слышались выстрелы пулеметов; впереди там распоряжался г[енерал]-м[айор] Сайчук. Завязался беспорядочный лесной бой, при котором части противника были все-таки оттеснены в восточном направлении. Ночь на 18 августа проведена была в этом лесу чрезвычайно тревожно: противник освещал лес тремя прожекторами – с севера, с северо-востока и юго-востока. Непрерывно поддерживался ружейный огонь. Изредка доносились и артиллерийские выстрелы... К утру произошло полное смещение людей в лесу и все как бы ускользнуло из рук. Противник обнаруживался со всех сторон...»^{IV} Столь длительное сопротивление, оказанное отрядом Сайчука, вызвало крайнее ожесточение германцев. В тот же день генерал, следуя под конвоем в плен, был смертельно ранен одним из конвоиров^V.

Помимо вышеперечисленных военачальников, 17 августа попал в плен также инспектор артиллерии XV армейского корпуса генерал-лейтенант М. Г. Мальковский^{VI}, однако обстоятельства его пленения установить не представляется пока возможным. Нет

^I Gittermann L., Zillmer E., Grunau M. Das Feldartillerie-Regiment Nr. 71 Groß-Komtur im Weltkriege, Zeulenroda, 1936. P. 35.

^{II} Kriegsgeschichte Jäger-Regiment zu Pferde Nr. 4. (о. А., о. D.). На правах рукописи. Библиотека ВА-МА. С. 4.

^{III} Богданович П. Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г. С. 249.

^{IV} Дневник полковника Загнеева Н. Г. о ходе военных действий в период Первой мировой войны на прусском участке фронта // ГА РФ. Ф. 6176. Д. 1. Л. Б/н.

^V Показания штабс-капитана 1-й артиллерийской бригады С. М. Огонезова // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1464. Л. 290.

^{VI} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 7–8.

сомнения лишь в том, что он был захвачен все в том же Грюнфлиссском лесу, вероятнее всего, во главе остатков артиллерии XV армейского корпуса.

Подводя итог описания последних боев центральной группы корпусов 2-й армии, комиссия генерала Пантелеева в своем отчете отметила, что «войска XV арм[ейского] корпуса, 2-й пех[отной] дивизии и л[ейб]-гв[ардии] Кексгольмский полк дрались героями, доблестно и стойко выдерживали огонь и натиск превосходных сил противника и стали отходить лишь после полного истощения своих последних резервов, понеся тяжелые потери в личном составе офицеров и нижних чинов и честно исполнив свой долг до конца»¹. Справедливости ради необходимо сказать, что и в XIII корпусе были части, действия которых смело можно назвать героическими, — отряд генерала Калюжного у Меркена, части полковника Первушина у Кальтенборна и Омудефофена и некоторые другие. В немецких полковых историях, обычно довольно презрительно отзывающихся о русском командовании, иногда встречаются упоминания о достойном поведении того или иного генерала или офицера. Так как положительные упоминания немцами чинов именно XIII армейского корпуса крайне редки, считаем необходимым процитировать одно из них. В истории 3-го гренадерского полка приводится текст письма русского пленного офицера (единственного, по словам автора истории, отказавшегося добровольно сдаться), опубликованного в «Тэгглихэн Рундшау»: «Когда немцы окружили нас со всех сторон, XV а[рмейский] к[орпус] сдался^{II}. Однако мы, т. е. наша дивизия, Преженцов²⁰, Константинов, я, Кочергин и несколько рот Копорского полка, решили прорываться в Россию. Из наших звенигородских были четыре роты, а со мной — четыре пулемета. Стрелять могла только артиллерия. Однако мы с примкнутыми штыками пошли вперед. То был непрекращающийся кошмар, убитые и раненые лежали по всему лесу. Мы сражались 3 часа и прорвали кольцо по направлению к русской границе. В 6 верстах от границы мы наткнулись на новое кольцо у д. Пухаловен. Там мы сражались с 11 вечера до 6 утра. Нас осыпали снарядами; мы потратили последние патроны. Утром от нас осталась только часть, другая была убита, многие ранены. Я остался один! Когда я хотел один пойти дальше, раненые призывали меня, а я не мог их оставить! Так что я остался, последний из своего полка, и был взят в плен. Один я туда и отправился. Но как же я был шокирован, когда встретил там 700 офицеров, среди них 42 — из наших. Выяснилось, что мы оборонялись на 18 часов дольше, чем прочие»^{III}.

В заключение следует сказать о личной трагедии командующего 2-й армией генерала от кавалерии А.В. Самсонова. Большинство военно-исторических исследований и мемуаров, посвященных наступлению армии генерала Самсонова в пределы Восточной Пруссии, излагают обстоятельства гибели командующего армией на основании написанной после выхода из окружения докладной записке начальника штаба 2-й армии генерала Постовского: «...Обойдя д. Канвизен с юга, ген[ерал] Самсонов со штабом выехал на шоссе Вилленберг — Канвизен, на котором и остановился верстах в четырех от Вилленберга. Здесь выяснилось, что Вилленберг также занят отрядом противника с артиллерией. Таким образом, командующий армией со своим штабом оказался отрезанным: все направления отхода в тыл были заняты противником. Осталось либо пробиваться силой, либо пробираться скрытно. От первого решения

^I Доклад правительственной комиссии, назначенной в 1914 г... С. 558.

^{II} Вероятно, имеется ввиду XIII армейский корпус.

^{III} Schillmann, Fritz. Op. cit.

командующий армией отказался, так как, не имея под рукой никаких войск, кроме остатка наполовину разбежавшейся сотни, рассчитывать на успех открытого прорыва было трудно. С другой стороны, представлялось сравнительно нетрудным пробраться сквозь неприятельские отряды, расположенные на путях отхода армии, пользуясь темнотой, лесистой местностью, а также и расположением к нам местных жителей — поляков, но, разумеется, без казаков. В исходе 8-го часа вечера (16 августа. — Ф. Г.) командующий армией со своим штабом перешел пешком в лесок к югу от шоссе Вилленберг — Канвизен, где было решено дожидаться наступления темноты. Вместе с ген[ералом] Самсоновым, кроме меня, находились: ген[ерал]-майор Филимонов, полк[овники] Вялов и Лебедев, подполк[овник] Андогский, шт[абс]-капитан Дюсиметьер, поруч[ик] Кавернинский, а также есаул Донского полка, фамилия которого неизвестна, и канонир 11-й конной батареи Купчик, состоявший при ген[ерале] Самсонове вестовым. С наступлением темноты все вместе двинулись в путь в направлении на Хоржеле. Двигаясь гуськом, преимущественно лесом, направление держали по компасу. В 2 часа ночи 30 августа дошли до леса в окрестностях д. Гр.Пивниц, вероятнее всего у сел[а] Визеген; здесь решили сделать привал и отдохнуть. Ген[ерал] Самсонов лег на попону, которую нес с собой его вестовой. После получасового отдыха все встали и двинулись в путь, причем попонку, на которой спал ген[ерал] Самсонов, взял с собой его вестовой. Ночь была совершенно темная. Ни луны, ни звезд на небе из-за туч не было видно. Все шли друг другу в затылок, причем ген[ерал] Самсонов шел обыкновенно в середине. Вследствие темноты приходилось часто останавливаться для проверки по светящемуся компасу правильности направления, причем все обыкновенно собирались к идущему в голове, где и совершалось совещание о дальнейшем движении. Тут же происходила перекичка. На одной же из ближайших остановок немедленно по выходе из рощи и было замечено отсутствие командующего армией. Немедленно все пошли обратным путем по направлению к месту привала. По пути все негромко звали командующего армией, подавали условные свистки. Таким образом прошли весь путь до места последней остановки, а затем вторично вернулись к месту привала, но поиски все остались безуспешными. Тогда решили остановиться у валежника, находившегося около места привала, и оттуда продолжали поиски в разных направлениях, но так как при этом чуть не потеряли друг друга, то поиски было решено отложить до рассвета. Все чины штаба подозревали, что ген[ерал] Самсонов отстал сознательно, пользуясь темнотой и лесом. Не раз в течение 15 и 16 августа он говорил мне, что его жизнь как деятеля кончена. Все мы следили за ним и не давали возможности отделить свою судьбу от нашей. Подозрение, что ген[ерал] Самсонов достиг своего, отстав от нас в лесу, стало превращаться в уверенность, когда среди ночи послышался выстрел. На рассвете снова все принялись искать ген[ерала] Самсонова, решив для этого оставаться в лесу целый день. Бесплодные двухчасовые поиски были прерваны огнем противника, открытым по нас из опушки леса с двух сторон. Пришлось сперва укрыться в лесу, а затем отойти по указанию местных жителей — поляков — в том направлении, которое оставалось единственным свободным от немецких патрулей. Преследуемые огнем то с одной, то с другой стороны и обстрелянные огнем пулеметов с автомобиля, разъезжающего по шоссе, чины штаба подошли наконец к деревне Монтвиц, где встретили два эскадрона 6-го драгунского Глуховского полка и две сотни 6-го казачьего полка, прорвавшиеся со штандартами обоих полков

к дер[евне] Зарембы»¹. Однако недавно нам стала известна иная информация, позволяющая предположить, что генерал Самсонов, хоть недолго, но все же побывал в германском плену. В газете «Суворовец»² была опубликована следующая заметка: «В “Немецкой солдатской газете” от октября сего года № 26 Эрвин Пошманн в статье “Я нашел генерала Самсонова” дает некоторые детали последних минут жизни русского генерала: “Большая битва за Гогенштейн заканчивалась. Наш егерский кавалерийский полк из Грауденца получил приказ прочесать лес западнее Вилленберга. Выполняя приказ, мы вдруг услышали в растущих в отдаленности кустах человеческий голос. Я и мой товарищ Гильденмейстер направились на голос, другие поскакали дальше. Подойдя к краю кустов, мы опять услышали голос и стоны. В этот момент из кустов услышали ржание лошади. Мы спешили. В густых кустах не так легко было двигаться вперед. Но наша тропинка расширилась и вывела нас на небольшую поляну. Посередине полянки стояло единственное дерево, к которому была привязана ржавшая лошадь. Тут же мы увидели и седока, он сидел на шинели, опершись спиной к дереву, в совершенно обессиленном состоянии. Голова и руки сидевшего безвольно спадали вниз. По погонам мы узнали офицера. На груди виднелись несколько орденов и значков. Ранен ли он? Мы хотели его спросить об этом, но он вдруг сам поднял голову и попросил воды. Не говоря ни слова, мы дали ему полевую флягу с водой. Он несколько раз пил из фляги с перерывами и продолжительно. Немного утолив жажду, поблагодарил нас на ломаном немецком языке, мы его спросили, ранен ли он. Он отрицательно качнул головой. После, указав на погоны и ордена, сказал, чтобы мы их снимали, так как он теперь наш пленный и хочет нам все это подарить за глоток воды, который мы ему дали. Также подарил нам свою шашку. После дал нам понять, что он очень устал и дальше с нами следовать не может, предложил нам застрелить его тут же, у ног его коня, и оставить здесь лежать. Мы ему еще раз предложили флягу с водой. Благодаря, он взял ее еще раз. Лошадь стала нервно ломать ветки дерева, несколько кусков сахара ее успокоили. Лежащий офицер опять попросил: “Стреляйте, немцы, стреляйте!” Мы ему ответили, что в пленных и в беззащитных не стреляем. Возвратившись к лошадям, мы поскакали вдогонку нашей части. Через несколько минут военный автомобиль был направлен к месту пребывания русского офицера. Прибывшие офицеры нашли стоящую лошадь и лежавшего русского офицера. Офицер был мертв. Из виска шла кровь. Рядом лежал пистолет. В убитом был опознан командующий русской армией генерал Самсонов, покончивший жизнь самоубийством 30 августа 1914 года»³. Факт краткого пленения генерала Самсонова находит подтверждение и в одном из русских источников. Весьма осведомленный чин Ставки прапорщик М.К. Лемке привел в своих воспоминаниях пересказ разговора с одним из чинов штаба 2-й армии: «При Самсонове все время были начальник штаба генерал-майор Постовский, генерал-квартирмейстер генерал-майор Филимонов, четыре офицера оперативного отделения штаба, два для поручений и начальник разведывательного отделения. Все остальные чины штаба остались в тылу и гораздо менее повинны во всем происшедшем. Когда началось бегство, отступить пришлось всем. Самсонов и штаб сделали то же самое. Чтобы быть менее заметными гнавшему их противнику, они сошли с лошадей и только

¹ Документ № 429 // Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М., 1939. С. 315–317.

² Суворовец. 1954. № 21 (258). 18 декабря. Опубликовано: Новый Часовой. 2006. № 17–18. С. 194–195.

³ Там же.

уставшего от ходьбы Самсонова усадили потом на коня какого-то встретившегося полковника. Шли долго, до самой ночи. Усталость страшная, разбитость моральная полная... Все сняли с себя погоны и все, что могло выдать их положение и чины. Характерно, что у всех штабных оказались только одна карта и один компас...

Ночью решили все-таки остановиться и прилечь в лесу на полтора-два часа. Легли все вместе. Сначала поставили сменную охрану из офицеров же, а потом и тех уложили, видя, что им не вынести такой усталости. Часа через два просыпаются — место Самсонова пусто. Начинают звать его — молчание, кричать — ничего. А выстрелы приближаются... Тогда штаб решает, что, зная направление движения, Самсонов найдется, и все идут дальше, приказав денщику генерала отыскать командующего армией. Долго он искал его, наконец нашел в какой-то трясине, и оба пошли по болоту, по колону и выше в воде. Самсонов совершенно изнемог, решил вернуться и найти другую дорогу, вспомнив, что прошли мимо нее. Чтобы не тратить сил зря, он послал денщика назад точнее определить эту дорогу. Тот нашел, вернулся за генералом, а его нет. Солдат кричал, вопил, бегал, рыскал — нет. Наконец ему пришло в голову, что, вероятно, Самсонов сам набрел на путь и ушел по нему уже далеко, а потому денщик решил не искать генерала и идти на соединение со штабными. Явился он через 10 дней, принес даже попону, на которой спал Самсонов в роковую ночь. Подозревали, не убил ли он генерала, не ограбил ли его. Потом стало известно, что Самсонова захватили немцы, он покончил самоубийством и похоронен, а недавно жена перевезла тело его в Россию. Потом приезжал генерал Пантелеев, допрашивал всех, но ничего не мог выяснить. Штабные молчали, никому ничего не рассказывали, потому что переживали ужасный стыд за весь исход боя и операции; те же, кто не попал с ними, были «деликатны» и ни о чем не спрашивали¹. Так трагически окончился для армии в целом и для ее командного состава в частности первый поход в Восточную Пруссию в ходе начавшейся кампании.

Расправившись с армией Самсонова, немцы обратили свои силы против сохранявшейся позиции в Восточной Пруссии 1-й русской армии, которая оставалась неподвижной почти все время сражения под Танненбергом. 18 августа штаб 1-й армии получил информацию из штаба Северо-Западного фронта о том, что армию генерала Самсонова постигла полная неудача и ее расстроенные части отошли к русской границе. 1-й армии было приказано силами имеющейся в ее составе кавалерии принять все меры, чтобы разрушить железные дороги, по которым противник мог бы подвозить против нее войска. Во исполнение этого распоряжения кавалерийский корпус под командованием Хана Нахичеванского двинулся на Алленштейн, однако, убедившись в том, что этот город занят крупными силами немцев, повернул на г. Вормдит с целью «капитального разрушения дорог и складов»¹¹. В третьем часу дня части 3-й кавалерийской дивизии из состава корпуса Хана Нахичеванского начали бой за г. Вормдит, который защищал батальон немецкой пехоты. Сломить сопротивление неприятеля не удалось, и конница отступила от города. Во время упорного боя за Вормдит получил смертельное ранение начальник 3-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Бельгард. Старший адъютант штаба конного отряда капитан Чайковский так описывал обстоятельства рейда кавалерии: «16 августа 1914 г. штаб конного отряда получил приказание по армии, согласно которому

¹ Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке 1914–1915 гг. М., 1921.

¹¹ Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М., 1939. С. 307.

он на следующий день должен был выступить в направлении на г. Вормдит для действия по тылам германских войск, наступавших на 2-ю армию. <...> 17 августа отряд перешел на 35 километров к югу. <...> Начальник отряда решил по собственной инициативе продолжать рейд в направлении на Алленштейн. Об этой перемене генерал Хан Нахичеванский донес в штаб армии. В ночь с 17 на 18 августа в штаб отряда был доставлен приказ, согласно которому поддержка 2-й армии приостанавливалась. Коннице же было приказано, выдвинувшись к западу, разрушить поосновательнее железнодорожные линии. Ген[ерал] Хан Нахичеванский решил в первую голову захватить и разрушить железнодорожный узел Вормдит. <...> 18 августа штаб следовал в голове главных сил, при новоросийцах...²¹ <...> Впереди раскинулся небольшой аккуратный городок. Вплоть до его окраины никого заметно не было. Перестрелка велась восточнее города. При нашей попытке продвинуться еще более вперед мы попали под неожиданный ружейный обстрел с близкой дистанции. Пришлось круто повернуть и уйти под защиту леса. <...> Вскоре к дому лесника, расположенному в лесу, неподалеку от опушки, подошел начальник отряда со штабом. <...> Из-за холмов, с запада и из-за шоссейной насыпи, защелкали ружейные выстрелы. Сверху стали падать срезанные пулями сосновые иглы. Вскоре был ранен генерал Хан Нахичеванский... Он остался на месте. Один из ординарцев, чтобы утолить жажду, принес найденное им вино. В это время сюда же подошел и генерал Бельгард со словами: «Угостите стаканом доброго вина и начальника 3-й кавалерийской дивизии». Не прошло и несколько минут, во время которых стрельба все учащалась, как генерал Бельгард, беседовавший с Ханом, полковником Чесноковым и мною, вдруг разом как-то страшно застонал и стал валиться. Вокруг него все покрылось ручьем лившей из раны в бедре кровью. Стрельба участилась... <...> Тело скончавшегося генерала Бельгарда было вывезено на передке...»¹ Не сумев выполнить поставленные перед ним задачи, конный отряд возвратился в расположение частей 1-й армии²².

Вступившим на территорию Восточной Пруссии русским войскам приходилось действовать среди враждебно настроенного населения, что нередко порождало неоправданную жестокость в отношении его представителей и служило почвой для распространения различных слухов о германском коварстве и т. д. Так, например, в воспоминаниях подполковника А. А. Успенского, описывающих разрушение казаками «чудного дворца, окруженного роскошным парком», причиной этого варварства было названо следующее: «Случилось вот что. В тот же день вечером, когда начальник русской 3-й кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант (фамилия его, кажется, Бельгард), на террасе с мраморными колоннами читал своим командирам полков приказ о дальнейшем движении дивизии, неожиданно из одного окна прозвучал револьверный выстрел, и начальник дивизии пал мертвый, пораженный пулей в сердце! Бросились искать убийцу, обыскали весь дворец, все погреба, сарай и чердаки... Убийца пропал! Командиры полков уехали к своим частям, а... ночью огромное зарево осветило всю окрестность! Говорили, что это казаки из мести за смерть любимого начальника совершенно разрушили и сожгли это имение»¹. Свидетельство капитана Чайковского представляется нам более достоверным, нежели эта версия подполковника Успенского, находившегося со своим полком вдалеке от г. Вормдит²³.

¹ Грибов А. З. Новоросийские Ея Императорскага Высочества Великой Княгини Елены Владимировны драгуны: на службе Царю и Отечеству, 1914–1917 гг. Париж, 1940. С. 63–65.

²² Успенский А. А. На войне. Восточная Пруссия – Литва. 1914–1915 (Воспоминания). Каунас, 1932. С. 63.

Усиленная подкреплениями с французского фронта 8-я германская армия при подавляющем превосходстве артиллерии обрушилась 26 августа 1914 г. на ослабленные в предыдущих боях части армии Ренненкампа. Бессмысленное со стратегической точки зрения сражение явилось следствием удивительной безответственности главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Я.Г. Жилинского, чьи действия ограничились одними предупреждениями, и самонадеянности командующего 1-й армией генерала П.К. Ренненкампа, заявлявшего накануне катастрофы о прочности своего положения¹.

Главный удар немцев был направлен на растянутый по фронту на 40 верст II армейский корпус, расположенный на левом фланге 1-й армии. Весь день 26 августа части корпуса сдерживали продвижение немцев. Начиная с 6 утра 27 августа немецкая артиллерия возобновила огонь. В 11:00 командир 1-й бригады 26-й пехотной дивизии генерал-майор Дружинин доносил в штаб дивизии: «Артиллерийский огонь противника достигает большой энергии как тяжелыми бомбами, тяжелыми гранатами, так и шрапнелью, начинается ружейный огонь, по-видимому, огонь тяжелой артиллерии переносится на мои батареи, продолжается и поражение пехоты»^{II}. В 12:25 он сообщал в штаб дивизии: «Я получил донесение заставы с мыса Тиргартен, что противник обстреливает усиленным артиллерийским огнем северный берег озера Швельцайт, от нас отвечают ружейным огнем. С парохода, который стоял у острова Укаутей, больше не стреляют, хотя пароход стоит»^{III}. В 13:40 генерал Дружинин передал донесение с велосипедистом в штаб дивизии: «С позиции у д. Тиргартен. Нахожусь под сильнейшим огнем, телефон прерван. Попытаюсь выйти к резерву, <неразб.> сообщают, что позицию держат, но артиллерийский огонь все усиливается. Ружейной перестрелки нет». Чуть позже характер донесений генерала Дружинина стал тревожнее: «Тяжелая артиллерия не дает более отдыха. Наша артиллерия не может бороться и с полевой, где превосходство батарей и перекрестный огонь»^{IV}. Уже в 13:45 в штаб дивизии поступило донесение от рядового 3-й роты Вятского пехотного полка Антоненко, бывшего с генералом Дружининым на наблюдательном пункте, что генерал Дружинин тяжело ранен. В 2 часа дня командир 102-го Вятского полка полковник Чевакинский донес в штаб дивизии, что противник теснит его левый фланг и генерал Дружинин убит на наблюдательном пункте от разрыва снаряда. Начальник дивизии, получив такие безрадостные известия, сообщил командиру корпуса, что «генерал Дружинин убит, вся позиция засыпается снарядами тяжелой артиллерии. Наша, бессильная против нее, молчит. В командование участком вступил полковник Чевакинский. По его донесению, после страшного артиллерийского урагана обозначилось наступление пехоты против его левого фланга»^V. Начальник штаба дивизии информировал о случившемся командный состав дивизии отдельными записками: «Утром убит гаубичным снарядом командир 1-й бригады дивизии генерал-майор Дружинин, когда сходил с холма вблизи села Тиргартен»^{VI}. В 18:40 того же дня о смерти генерала Дружинина генерал Ренненкампф

^I Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте: начало войны... С. 373–374, 378–379.

^{II} РГВИА. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

^{III} Там же. Л. 22.

^{IV} На этой записке написано: «В 1:40 дня генерал Дружинин убит». Там же. Л. 23.

^V Там же. Л. 25.

^{VI} Ларионов Я.М. Записки участника мировой войны. М., 2009. С. 42.

дones в штаб Северо-Западного фронта¹. Однако, по причине хаоса отступления, начавшегося после неудачных оборонительных боев, смерть генерала Дружинина нашла отражение в официальных документах 26-й пехотной дивизии лишь 8 сентября, когда генерал Порецкий отдал приказ по 26-й дивизии:

«Приказ по 26 п[ехотной] д[ивизии] № 96 от 8.9.1914

«...» 2. При обороне укрепленной позиции у дер. Приковен командир 1-й бригады генерал-майор Дружинин, командуя левым участком ее у Тиргартен, 27 августа был убит разорвавшимся снарядом в траншее на наблюдательном пункте и похоронен по моему указанию его ординарцем 101-го пехотного Пермского полка штабс-капитаном Римским-Корсаковым на кладбище в г. Ангенбург.

Названного генерала исключить из списков штаба, сообщить о его смерти куда надлежит.

Начальник дивизии генерал-лейтенант Порецкий».

Сломив сопротивление II армейского корпуса и создав этим угрозу тылам 1-й армии, немцы вынудили последнюю к отступлению. Отход начался в ночь на 28 августа. Неся крупные потери, упорно сопротивляясь напору германцев, 1-я армия очень быстро стала отступать к русской границе. Отступление, происходившее под яростным давлением противника с тяжелыми арьергардными боями, постепенно приобрело хаотический характер. Части все чаще и чаще выходили из-под контроля командования и нередко действовали на свой страх и риск. В этих условиях противнику иногда удавалось окружать отдельные полки и брать в плен даже генералов. Так немцами были захвачены командир 2-й бригады 29-й пехотной дивизии генерал-майор А. А. Орел (в районе г. Вильковишки), командир 1-й бригады 68-й пехотной дивизии генерал-майор В. В. Мальм (у г. Тильзита) и командир 2-й бригады 30-й пехотной дивизии генерал-майор С. П. Соколов (у д. Адамсхейде)²⁴.

Генерал Соколов был пленен в д. Адамсхейде вместе со 119-м пехотным Коломенским полком, брошенным на произвол судьбы начальником дивизии генералом Колянковским²⁵. Отступая по лесам в качестве арьергарда 30-й пехотной дивизии (119-й и 120-й пехотные полки с одной батареей 30-й артиллерийской бригады), Коломенский полк был на исходе 28 августа атакован немцами. Возглавлявший арьергард генерал-майор С. П. Соколов не оценил в полной мере угрозу со стороны неприятеля, не приказал оборудовать оборонительной позиции и, сославшись на темное время суток и пересеченную местность, отказался двинуть на поддержку коломенцам соседний 120-й пехотный Серпуховский полк (полковник Черемисов, командовавший этим полком, дал полку приказ отступить²⁶). Утром 29 августа Соколов, прибывший к 119-му полку, вступил в бой, при этом неосмотрительно оторвался от своей артиллерии и потерял связь с соседями. К 7 часам утра стремительным ударом германцы отрезали полк от остальных частей дивизии²⁷. Не имея поддержки от Серпуховского полка, генерал Соколов с 119-м полком некоторое время вел

¹ Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М., 1939. С. 379. В свою очередь, 13 сентября 1914 г. генерал Чуринов донес о смерти генерала Дружинина дежурному генералу 1-й армии, а последний – генералу Кондзеровскому (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 2. Д. 34. Л. 405; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 421. Л. 52).

²² Приказы войскам 1-й армии за 1914 г. Приказ войскам 1-й армии № 85 от 7 сентября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 548. Л. 9–10.

²³ Из имеющихся в нашем распоряжении документов неясно, имели ли место попытки 120-го пехотного полка прорваться к коломенцам или оказать им содействие иным способом.

²⁴ Показания генерал-лейтенанта Колянковского // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 2. Д. 196 об. – 198.

бой, но силы оказались неравными. Генерал-майор С.П. Соколов вместе с командиром Коломенцевым, полковым адъютантом и, возможно, знаменем Коломенского полка был захвачен в плен на телефонной станции д. Адамсхейде²⁵. Начальник 30-й дивизии генерал-лейтенант Э.А. Колянковский, потерпев неудачу в попытках связаться с 119-м полком, отступил со всеми остальными полками, ничего не сделав для того, чтобы выручить попавший в беду аррьергард. Рапорт о пропаже целого полка (из окружения не вышел никто!) Колянковский подал только через неделю и был мгновенно отрешен от должности командующим армией генералом П.К. Ренненкампом²⁶.

Отряд генерала Мальма (единственного бригадного командира 68-й пехотной дивизии) в составе 270-го пехотного Гатчинского полка и двух батарей²⁷, подчиняясь непосредственно командующему армией (с которым он должен был связываться при помощи государственного телеграфа), занимал позиции на крайнем правом фланге 1-й армии у г. Тильзит, так как штаб 1-й армии 17 августа отдал приказ усилить Тильзитское направление одним пехотным полком с дивизионом артиллерии для обеспечения переправ через Неман у этого города. До Шавель отряд отправился по железной дороге, а дальше походным порядком через Тауроген в Тильзит. Штаб дивизии просил генерала Мальма все копии своих донесений штабу армии доставлять и ему. В начале 20-х чисел августа отряд был уже на месте. Около 24 августа начальник 68-й пехотной дивизии генерал Апухтин, беспокоясь за полк и артиллерию, решил лично съездить на автомобиле в Тильзит и посмотреть вид полка после первого большого перехода, а также окружающую обстановку²⁸. Тильзит был оторван от правого фланга 1-й армии почти на 50 верст. В тылу его, ближе к Риге, тоже ничего не было, а правее (к северо-западу) находился город Мемель, откуда шла железная дорога в Тильзит почти до самого моста через Неман. Таким образом, немцы могли в любой момент подвезти войсковые части прямо в тыл расположения Гатчинского полка. Выехав в Тильзит 24 августа и вернувшись 2 сентября, генерал Апухтин сообщил штабу дивизии, что генерал Мальм стоял в Тильзите, не давая себе достаточного отчета о своем серьезном положении¹. На него была возложена штабом армии весьма сложная задача — оборонять в случае необходимости Тильзит, и активно действовать на Кенигсберг для обеспечения тыла и фланга 1-й армии, и активно наблюдать за Мемелем. Последняя возможность была указана Мальму генералом Апухтиным, чего Мальм совсем не учитывал, наблюдая лишь южный берег Немана. Между тем продвижение немцев и их появление именно на северном берегу Немана грозило отряду Мальма полной отрезанностью от тыла, а при движении и с юга — окружением. Этого не учитывал штаб армии, так как генерал Мальм несколько раз получал от него приказания, обращающие внимание исключительно на направление на Кенигсберг. Таким образом, сложная задача обеспечения правого фланга 1-й армии фактически с целью действий во все стороны была возложена всего лишь на полк с дивизионом артиллерии, тыл которого совершенно не был обеспечен, и отряд фактически висел в воздухе. Решившись на это, штаб 1-й армии проявил беспечность, бросив маленький отряд²⁹ в Тильзит — сравнительно большой город с патриотически настроенным населением. Причем рядом с городом находилась прекрасная мостовая переправа,

¹ Вне окружения остались полурота 9-й роты, 14-я и 15-я роты, а также отдельные люди разных рот и команд.

² По свидетельству адъютанта штаба дивизии капитана Акинтьевского, генерал Апухтин, посетив расположение 270-го полка, «нашел все спокойным».

которую генерал Мальм приказал на ночь баррикадировать. Генерал Мальм, прибыв в Тильзит, оставил в самом городе обоз и резервную часть артиллерийских запряжек под прикрытием одного батальона, расположенного в городе, а остальные три батальона он выдвинул к юго-западу от Тильзита. Непосредственной связи со штабом 1-й армии у него не было, столкновений с противником также не было. Впереди расположения его отряда имела кавалерийская бригада генерала Орановского, которая не давала о себе практически никаких сведений. Выставить заставы для наблюдения за мемельским направлением генерал Мальм не успел. Осознавая рискованное положение отряда, генерал Апухтин предложил генералу Ренненкампуф переместить в Тильзит всю 68-ю пехотную дивизию³⁰, однако тот в ответной телеграмме напомнил, что отряд генерала Мальма подчиняется штабу 1-й армии, и предложил воздержаться от подобных предложений.

Когда 29 августа 1-я армия начала отход, ни командование армии, ни соседние части (53-я пехотная дивизия генерала С.И. Федорова и кавалерийская бригада генерала Орановского, ушедшая за неманские переправы на восток и не оставившая 270-му пехотному полку даже взвода кавалерии¹) не удосужились предупредить об этом генерала Мальма. Быстрое движение крупных сил неприятеля (Кенигсбергского ландвера, составлявшего левый фланг 8-й армии) со стороны, прикрывавшейся ранее частями 53-й дивизии (от Кенигсберга), явилось поэтому для него полной неожиданностью, так как он, понадеявшись на кавалерию Орановского, личным распоряжением убрал охранение с Кенигсбергского направления. Отряд генерала Мальма был атакован немцами, желавшими отрезать его от переправ, на обоих берегах Немана одновременно. В результате стремительного наступления германцев, прошедших за два дня более 70 км, на батальоны Гатчинского полка, расположенные южнее Тильзита, а также поднявшегося в Тильзите восстания жителей («около половины пятого в кирхе ударили в набат, а затем жители принялись обстреливать наши войска, бывшие в Тильзите и около мостов»³¹), подкрепленного пулеметами, накануне привезенными на возах с различными продуктами на еженедельный большой базар, генерал Мальм был отрезан от большей части полка и вынужден был с боем отступить от города (не заходя в него из-за полученной информации о начавшемся восстании жителей и фактическом захвате его немцами) с остатками нескольких рот и батареей по шоссе на северо-восток². Находившаяся в городе артиллерия, обозные лошади и люди подверглись расстрелу из расставленных в окнах пулеметов, и поэтому обозы и артиллерия были брошены в городе. Роты батальона, стоявшего в городе, частично были расстреляны, частично взяты в плен и обезоружены вооруженным населением и переодетыми солдатами, а частью провалились на правый берег Немана. Захват Тильзита predetermined судьбу той части Гатчинского полка, с которой находился генерал Мальм: ее стали расстреливать подвезенной артиллерией и со стороны города. Вот как описывает очевидец последние минуты перед пленением генерала Мальма, лично руководившего подчиненными ему частями под сильным артиллерийским огнем, вечером 30 августа: «...16-я рота двигалась левее шоссе... движение велось под сильным

¹ Возможно, конных пограничников к тому времени в Тильзите уже не было.

² Описание боя у Тильзита 30 и 31 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 293. Л. 70–73 об.

перекрестным артиллерийским огнем из Тильзита и из двух орудий, расположенных в лесу у Таурогенского шоссе. Наша артиллерия... и два пулемета, продвинувшись под перекрестным огнем артиллерии по шоссе до третьего моста, снялись с передков и открыли огонь частью орудий по артиллерии противника в лесу, частью по Тильзиту; у батареи, по словам очевидцев, находился г[енерал] Мальм с ординарцем, подполковник Гутяр и подп[олковник] Ананьин. Когда 16-я рота подошла к третьему мосту, по ней был открыт пулеметный огонь с расстояния не более 300 шагов; рота залегла, но все, что находилось на шоссе, было скошено. Вся прислуга орудий и пулеметов, все лошади были убиты или ранены. Видели, что г[енерал] Мальм, бывший верхом, упал с лошади, равно как подп[олковники] Гутяр, Ананьин и штабс-капитан Шарапов»^I. Уже в плену один из офицеров вспоминал: «Солнце село, вечер вступил в свои права. Огонь противника становился все яростнее, так что оставшиеся в живых попытались выбраться из этого ада. Путь отхода на Тауроген представлял собой полный хаос, повсюду громоздились раненые и убитые, а также лошади, обозы, артиллерия и брошенные боеприпасы. Была картина полного уничтожения нашего I батальона. В сумерках около 8 часов подняли белый флаг, чтобы показать, что сдаемся в плен, некоторые остались на месте, чтобы сдать...»^{II} Капитан Акинтиевский свидетельствовал, что очевидцы последний раз видели генерала Мальма «на мосту Луизы у пушек»^{III}. В истории 48-го ландверного пехотного полка так описан бой у этого моста: «На подходе к мосту стояло русское охранение, на площади перед ним батарея остановила своих покрытых пеной лошадей. Бодрые канониры спрыгнули и пошли с револьверами, штыками и шомполами в руках на потерявшихся русских. В момент их опрокинули, а батарея уже встала на позицию, готовясь открыть огонь»^{IV}.

Вскоре город был полностью освобожден: «На улицах еще грохотали выстрелы, однако уже открылись окна всех домов, жители которых замахали в приветствие платочками. Черно-бело-красные знамена развернулись и взвились вверх по флагштокам. Из домов текло на улицу пьяное от радости население, так что с улицы на улицу перекидывалось мощное “Ура!” благодарных своим освободителям от трехнедельного русского произвола горожан. На бойцов лился дождь из цветов, им вешали на шею венки, в руки им совали вино, колбаски и сладости до тех пор, пока уже некуда было в мешки совать. Скорченная фигура трубочиста вскарабкалась на вершину церкви с германским знаменем, сорвав оттуда русский флаг, а в лучах заходящего солнца победно взвились над городом германские цвета.

Вскоре у моста Луизы уже остановился автомобиль командира бригады (генерал-лейтенанта Клазиуса), для него это был день славы, ведь его осмотрительность и железная энергия пожали блестящие плоды»^V.

Согласно немецким источникам, генерал Мальм был взят в плен не в бою у моста Луизы, а сдался в вечерних сумерках 7-й роте 48-го ландверного пехотного полка («к ней явился русский бригадный генерал с 12 офицерами и 450 солдатами, сдав шпагу»)

^I РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 293. Л. 73 об.

^{II} SächsHStA Dresden. 11248. *Sächsisches Kriegsministerium*. Nr. 6952. Bl. 191.

^{III} Hoover Institution Archive, Stanford University. Akintievskii Konstantin.

^{IV} Wengler W. *Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 48 im Weltkriege*. Oldenburg: B., 1925. P. 39.

^V Ibid. P. 40.

у Баубельна, когда понял, что дорога Тильзит-Пиктупенен блокирована немцами. Пленный В.В. Мальм был отправлен к генералу Клазиусу¹.

Остатки 270-го пехотного Гатчинского полка в числе 800 человек присоединились к отступающим частям 1-й армии, причем потеряны были артиллерия^{II} и полковая касса. Судьба генерала Мальма длительное время была неизвестна русскому командованию^{III}, информация о его пленении, согласно воспоминаниям подполковника Гребенщикова, была получена из дневника пленного немецкого офицера, захваченного в позднейших боях.

Генерал Апухтин считал, что «на всех действиях отряда генерала Мальма в боях 30 и 31 августа у города Тильзита лежит отпечаток полного отсутствия сведений об окружающей обстановке, отсутствия надлежащей разведки и охранения, а главное, полного отсутствия управления. Последствием явилась растерянность младших начальников, действовавших бессвязно и непланомерно»^{IV}. Подполковник Гребенщиков, подводя итог разворачивавшейся на его глазах эпопее отряда генерала Мальма, писал: «Так бесславно закончилась деятельность отряда генерала Мальма, брошенного к Тильзиту с непостоянной и по величине отряда, и по обстановке задачей. Гибель отряда лежала всецело на совести командования 1-й армией³², которому неоднократно и своевременно указывалось иметь в Тильзите большие силы и на опасность изоляции такого небольшого отряда, каким был отряд генерала Мальма»^V.

Третьим генералом, попавшим в плен к немцам во время отступления 1-й армии из Восточной Пруссии, стал командир 2-й бригады 29-й пехотной дивизии генерал-майор А.А. Орел. Благодаря введению в научный оборот нескольких редакций воспоминаний начальника 29-й пехотной дивизии А.Н. Розеншильда фон Паулина обстоятельства его пленения можно установить довольно точно.

29-я пехотная дивизия занимала оборонительную позицию на р. Дейме, когда до нее дошли сведения о крупном поражении 2-й армии генерала Самсонова. В связи с этим из штаба армии поступило приказание готовиться к обороне: окапываться, устраивать заграждения и т. д. Фронт дивизии подвергался постоянному артиллерийскому обстрелу, особенно сильно на участке 115-го пехотного Вяземского полка, бывшего в составе бригады генерала Орла, но в наступление неприятель не переходил. В ночь с 18 на 19 августа 29-я пехотная дивизия была сменена 56-й пехотной дивизией и отведена в тыл. Тем временем немцы начали наступление на левый фланг 1-й армии, и в ночь с 27 на 28 августа части левофлангового II армейского корпуса стали отступать. 29-я пехотная дивизия получила приказ командира корпуса ударить по обходящим II армейский корпус немцам. После целого дня изнурительных маршей дивизия получила в 10 утра 30 августа приказ отступать. 115-й пехотный Вяземский полк, при котором находился генерал Орел, отходил последним и поэтому после дневного марша под артиллерийским огнем оторвался от остальных частей дивизии,

¹ Wengler W. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 48 im Weltkrieg. «Генерал-лейтенант Клазиус получил от города прямо королевские почести. В честь него была названа одна из улиц, горожане устроили в его честь большой праздник и сделали его почетным гражданином».

^{II} Два трофейных орудия были подарены командиром бригады Кенигсбергского ландвера городу Тильзиту.

^{III} РГВИА. Оп. 2. Д. 34. Л. 613–614 об. В донесениях штабов армии и дивизии генерал Мальм значится пропавшим без вести вплоть до середины октября 1914 г.

^{IV} Там же.

^V Воспоминания генерала С.Я. Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 86.

и разыскать его не сразу удалось. Даже спустя несколько дней в штабе дивизии не было никаких известий о 115-м Вяземском полке и генерале Орле. Лишь 2 сентября полк, понесший большие потери, присоединился к дивизии. О генерале Орле точно ничего не знали, были предположения, что он или попал в плен, или убит. Лишь гораздо позже, вероятно, уже в плену, генерал Розеншильд фон Паулин узнал судьбу своего бригадного командира и включил его записки о происшедшем в текст своих воспоминаний: «...Почему излишне задержался 115-й полк (имеется ввиду начало отступления 30 августа. — Ф. Г.), осталось невыясненным. Немедленно приказал начать движение на восток. Во время отступления шли без дорог, огонь продолжался с такой же силой. Когда же мы (я шел с командиром полка пешком за полком) перешли чрез перевал, подходя к русской границе, преследование артиллерийским огнем прекратилось. <...> Полк был в движении более суток без пищи и сна. Я с командиром полка и несколькими офицерами вошел в избу, где начал рассматривать карту, чтобы наметить дальнейший путь. Не прошло и получаса, как противник опять открыл артиллерийский огонь. Тяжелые снаряды стали ложиться у нашего хутора. Офицеры побежали на свои места, а за ними и командир полка. Я же остался некоторое время, рассматривая карту. Не более как через $\frac{1}{4}$ часа вышел во двор, было около $4\frac{1}{2}$ ч дня. Адъютант и конюх доложили, что полк уже пошел, и действительно: в бинокль увидел на перевале, шагах в шестистах, фигуры офицеров и нижних чинов, двигавшихся на восток к лесу. Лошадей моих и конных ординарцев около нас не оказалось, предполагая, что они с полком, мы быстро пошли вдогонку за ними. Эту группу догнали в лесу, оказалось, что это — ...штаб 102-го полка, отбившийся от своих... 115-го полка они не видели. Сознавая свою ошибку, немедленно побежал к тому же хутору, который мы только что оставили, но там никого не было, ни лошадей, ни полка. Мне понятна поспешность отступления полка, но я все-таки был вполне уверен, что мои ординарцы и мой вестовой с лошадьми без меня не уйдут... На основании этих соображений я решил ждать у хутора, несмотря на артиллерийский огонь противника. Тяжелые снаряды ложились завесой по западной опушке леса... Стало темнеть, лошадей все нет. Решил идти пешком, держа направление на восток, через лес. Между тем стало совсем темно; долго мы плутали по лесу и по полю. Наконец оказались на бывшем поле сражения, где несколько артиллеристов подбирали раненых. Приказал находившимся при мне нижним чинам помочь. <...> Нашел вольноопределяющегося, который сказал, что наши войска отходят на Вильковишки. Для перевозки раненых был оставлен один зарядный ящик, но... везти нижних чинов на нем было нельзя. Тогда я решил, что догоню на зарядном ящике артиллерию... Взошла луна. Не проехали и полуверсты, как лошади стали от переутомления, да и дорога была так забита брошенными повозками, что объезжать их на зарядном ящике не представлялось возможным. Сели верхами. Где это было, не знаю: карта кончилась, так как все карты на восток были оставлены в обозе. Около 3 часов ночи остановились в деревне в 3–4 верстах от Вильковишек. Артиллерии не догнали... К 4 часам утра приехали в Вильковишки, дорогой спрашивали солдат и мужиков о проходивших частях. Указали, что невдалеке, у помещика, стоит даже штаб какой-то дивизии, и указали дорогу... приехали к помещику в 8 утра. Помещик сказал, что действительно проходили разные части, но какие, он не знает. Шли на Мариамполь... Не зная совершенно обстановки, которая сложилась к этому времени, я все же был вполне уверен в полной безопасности. Ровно в 9 часов утра 1 сентября выехали мы вдвоем с адъютантом по дороге на Мариамполь. Проехав версты 3–4, я увидел

колонну — кавалерийский полк с конной артиллерией, — двигавшуюся на юг, по дороге от Людвинова на Вильковишки. Вдруг рассмотрели, что это немцы. Мы остановились и спрятались в сарай с соломой... Думали так переждать, пока пройдет колонна. На наше несчастье, нас заметили разъезды, осторожно подобрались к сараю и ровно в 11:30 с неистовым криком ворвались к нам, направив на нас револьверы. Я обнажил шашку, но, к ужасу своему, понял, что борьба бесполезна, и был взят в плен. Отобрали оружие, снаряжение, посадили на наш же экипаж и повезли к пехотному полку, который шел в версте за кавалерийским. Там нам указали место... рядом со знаменщиком. Затем полк после короткого привала перешел в боевой порядок и повел наступление на Вильковишки с юга, а нас перевели в обоз 1-го разряда¹. Подводя итог описанию пленения трех бригадных командиров 1-й армии, можно с уверенностью утверждать, что в случае с генералом Соколовым основная ответственность должна быть возложена на его начальника дивизии генерала Колянковского, разгром отряда генерала Мальма явился результатом непродуманных действий штаба 1-й армии и ее командующего, а попадание в плен генерала Орла случилось из-за того, что он был фактически брошен чинами 115-го Вяземского пехотного полка. И если 119-й Коломенский и 270-й Гатчинский полки подверглись практически полному уничтожению и их судьбу разделили бригадные командиры, то 115-й Вяземский пехотный полк сумел избежать окружения и последующего уничтожения, а находившийся при полку бригадный командир оказался брошенным.

Восточно-Прусская операция завершилась полным поражением двух армий русского Северо-Западного фронта. Одним из результатов этой операции было пленение 21 русского генерала — трое из них были захвачены при отступлении 1-й армии из Восточной Пруссии, остальные 18 попали в плен при разгроме 2-й армии. Таким образом, не прошло и полутора месяцев от начала войны, как в австро-германском плену оказались около трех десятков русских генералов! Помимо попавших в плен, русская армия лишилась шестерых генералов убитыми в бою. Никогда за всю свою предшествующую историю русская армия не несла таких серьезных потерь командного состава за столь короткий срок.

Одновременно с началом давления немцев на 1-ю армию генерала Ренненкампа на Юго-Западном фронте происходил перелом хода Галицийской битвы в пользу русских. Привезенному с Северо-Западного фронта Гвардейскому корпусу удалось создать перевес и решить участь Люблин-Холмской операции, разгромив австрийцев, наступавших на города Красник и Люблин. Одним из участников этих боев была Гвардейская стрелковая бригада (лейб-гвардии 1, 2, 3 и 4-й стрелковые полки), для которой бой 26 августа у д. Калишаны-Камень был первым в той войне. Первоначально предполагалось, что гвардейские стрелки будут состоять в резерве командующего 9-й армией, однако обстановка потребовала их участия в боях.

В ночь на 26 августа, после тяжелого четырнадцатичасового перехода от д. Крачевицы, лейб-гвардии 2-й Царскосельский стрелковый полк подошел к фольварку Глодно. Здесь командир полка генерал-майор Пфейфер объяснил возложенную на полк задачу, нарисовал общую обстановку и дал полку диспозицию к предстоящему бою. Согласно приказу начальника Гвардейской стрелковой бригады лейб-гвардии 2-й стрелковый полк должен был развернуться перед неприятельскими окопами, что на высоте 82,8, и атаковать

¹ Hoover Institution Archive, Stanford University. Rosenshild material.

их с фронта, в лоб, в то время как лейб-гвардии 1-й стрелковый полк должен был атаковать крайний левый фланг со стороны р. Вислы.

Во исполнение возложенной на полк задачи командир полка решил весь II батальон выдвинуть в боевую часть, а I батальон оставить в резерве. Командир II батальона полковник Алексеев по совету командира полка, для того чтобы развить возможно сильный огонь, решил рассыпать в цепь весь батальон и вести наступление на окопы. Направляющей была 8-я рота, командиру которой рубеж наступления был лично показан по карте командиром полка.

В 3 часа утра полк двинулся и к 4 часам сосредоточился в роще, что к западу от д. Янишев. Здесь были указаны ротные участки, и после этого батальон отошел вглубь рощи на отдых, оставив на опушке леса лишь наблюдательные посты.

Около 6 часов утра началась артиллерийская подготовка, а в 8:45 командир полка позвонил в штаб бригады, доложил, что считает момент атаки назревшим, и, получив согласие, приказал начать наступление. Командир полка, генерал-майор Пфейфер, находился в начале наступления с I батальоном — с резервом полка, но потом, когда движение рот вперед стало настолько быстрым, что I батальон влился в цепь, в первую линию, то и командир полка оказался непосредственно за стрелковой цепью, все время управляя действиями полка посредством телефонов и сигнальщиков. Артиллерийский и пулеметный огонь противника дошел до крайнего напряжения. Особенно густо обстреливались противником участки, на которых находились пулеметы. Ввиду того, что командир полка случайно был сзади пулеметного взвода, все лица штаба полка очутились в сфере самого губительного огня противника. Именно в это время был смертельно ранен и скоро скончался командир полка генерал-майор Пфейфер¹. Натиск полка был настолько стремителен, что австрийцы не выдержали, частью бросились в лежащий в полуверсте за позицией лес и открыли оттуда вместе с резервами убийственный огонь.

Несмотря на огонь, полк безостановочно двигался к лесу и там вступил в отчаянный штыковой бой с врагом, врезавшись клином в его расположение. Положение полка под сильнейшим перекрестным огнем было серьезно, но стойкость и мужество и офицеров, и стрелков сломили упорство врага, и он с большими потерями был выбит из леса. «Успех полка много содействовал тому решительному толчку, после которого вся линия австрийцев дрогнула и неудержимо побежала. Вскоре лес был занят и укреплен прочно»².

Очевидец так вспоминал об атаке Гвардейской стрелковой бригады: «Во время нашей атаки, которая длилась до наступления темноты, мы наблюдали роскошную, но между тем и кровавую картину боя. Рядом с нами наступал 2-й гвардейский стрелковый его величества полк во главе со своим бравым командиром генерал-майором Пфейфером. Сидя верхом на своем коне, он открыто наблюдал за ходом боя. Наша артиллерия зажигала одну за другой деревни, находящиеся в руках противника. И вот на красном фоне разгоревшихся деревень ярко выделялись темные силуэты наших рослых стрелков-гвардейцев. Их цепи, пренебрегая всякими прикрытиями и совершенно не применяясь к местности, шли вперед как будто на парад. Убийственный огонь из ружей и пулеметов противника косил их ряды, они не обращали внимания на это. Красные дымки

¹ Реляции и описания главнейших боев лейб-гвардии 2-го Царскосельского стрелкового полка за 1914 г. // РГВИА. Ф. 2558. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

разрывающихся над их головами австрийских шрапнелей их даже не смущали. Немало их полегло, этих храбрецов, в бою. Наконец они достигли неприятельских окопов, цепи их сомкнулись и мы услышали крепкое, дружное “Ура!” и видели, как австрийцы бежали из окопов»¹.

В этом бою Гвардейская стрелковая бригада не только сбила противника с его позиций, но, принудив австрийцев к поспешному отступлению далеко за линию своих резервов, оголила фланг всей австрийской армии и подготовила успех фронтального наступления 9-й армии в августовских боях при движении к р. Сан. Генерал-майор Пфейфер был единственным офицером лейб-гвардии 2-го стрелкового полка, погибшим в этом бою³³.

На следующий день после боя гвардейских стрелков у фольварка Калишаны-Камень, в полосе наступления 3-й армии Юго-Западного фронта у Равы-Русской погиб командир 9-й артиллерийской бригады генерал-майор Д.Д. Федченко.

Накануне, в 9 часов вечера, 9-й пехотной дивизии был отдан приказ: с рассветом наступать на гг. Тростянец и Немиров, создавая угрозу для армий австрийцев, наступавших на севере. Однако по неизвестной причине наступление было отменено штабом корпуса в 23:30 26 августа, и дивизии было предписано занимать свои позиции, ожидая особого приказа командира корпуса для перехода в наступление. Вероятно, такие противоречивые команды не остались незамеченными австрийцами, и они предприняли смелый маневр: в 6:30 утра 27 августа части австрийцев (2–3 батальона), усилившиеся за ночь, просочились между левым флангом 34-го пехотного Севского полка и фольварк Майдан, оттеснили сторожевое охранение 121-го пехотного Пензенского полка и открыли ружейный и пулеметный огонь по штабу 9-й пехотной дивизии, ее обозу и части обозов полков дивизии с расстояния 300–400 шагов. Среди толпившихся во дворе обозных чинов и лошадей произошли беспорядок и замешательство, сразу приведшие к большим потерям. Чтобы отбросить австрийцев, против них были двинуты 5,5 рот 121-го Пензенского полка и 5 пулеметов¹¹. Роты рассыпались в цепь и после короткой, но жестокой перестрелки бросились в атаку. Рота саперов, бывшая при штабе дивизии, и эскадрон улан из состава дивизионной конницы оказали содействие Пензенскому полку. Кроме пехоты и кавалерии, в ликвидации прорыва приняла участие и артиллерия, удачно поражавшая шрапнелью и картечью прорвавшегося неприятеля. Кроме использования своих сил, 9-я пехотная дивизия запросила помощи у соседей, но она оказалась лишней. Австрийцы не смогли долго выдерживать дружного натиска и отступили в лес, в котором быстро рассеялись. Однако в результате прорыва штаб 9-й пехотной дивизии понес потери: был ранен начальник дивизии генерал-майор Лошунов, офицер штаба штабс-капитан Сребницкий и командир 9-й артиллерийской бригады генерал-майор Федченко¹². Положение дивизии могло стать более грозным, если бы прорвавшийся противник имел крупные силы, но, к счастью для русских, 2–3 батальона австрийцев не смогли оказать существенного влияния на общий ход боев, и уже в 10:15 утра прорыв был полностью

¹ РГВИА. Ф. 2706. Оп. 2. Д. 47. Л. 23–25.

¹¹ Журнал военных действий 9-й пехотной дивизии // РГВИА. Ф. 2339. Оп. 1. Д. 230. Л. 58.

¹² Из ЖВД 4-й батареи 9-й артиллерийской бригады: «В 9,5 ч. пришло сообщение, что командир бригады генерал-майор Федченко ранен в живот на вылет. Начальник дивизии – в руку. Австрийцы прорвались и обстреляли штаб дивизии» (РГВИА. Ф. 3685. Оп. 1. Д. 183. Л. 15).

ликвидирован. Начальник штаба X армейского корпуса генерал-майор Ф.П. Рерберг так вспоминал об этом эпизоде боев дивизии его корпуса: «В разгар жарких боев на фронте генералов Протопопова и Лошунова, 36-й пехотный австрийский полк с пулеметами пробрался незамеченным (?) между наших смешанных отрядов и вышел во фланг и даже в тыл перемешанным частям 9-й и 31-й дивизий и начал подступать с юга к селению Вишенька Вельке, где, как известно, находились штабы 9-й и 31-й дивизий, перевязочные пункты, первые эшелоны зарядных ящиков, обозы. Выйдя из леса и увидя перед собою наше расположение, к нашему счастью, австрийцы не сразу поняли, что перед ними штабы, и не кинулись сразу в атаку, а остановились на опушке и ружейным и пулеметным огнем начали обстреливать все части, которые они видели около церкви. Первыми же пулями были ранены начальник 9-й пехотной дивизии генерал Лошунов – в руку – и командир 9-й артиллерийской бригады – в живот разрывною пулюю. Но наши старики генералы не растерялись: тотчас против австрийцев была выслана бегом рота Пензенского полка, бывшая тут же при штабе 31-й дивизии. Своим метким огнем она приостановила продвижение австрийцев, а тем временем генерал Протопопов приказал бывшим поблизости в резерве двум с половиною батальонам того же полка прогнать неприятеля. Пензенцы живо развернулись и начали теснить неприятеля обратно в лес. Не уйдя со своего поста отряд полковника Архиповича, по всей вероятности, нам удалось бы захватить храбрых австрийцев, но это нам не удалось.

Генералу Лошунову тут же сделали перевязку, и этот старый доблестный солдат не покинул строя, не покинул своего поста.

После первой перевязки генерала Федченко бережно уложили в экипаж и повезли в тыл, в госпиталь, где искусные хирурги смогли бы спасти ему жизнь. В штабе корпуса мы перегрузили раненого в большой автомобиль, но не успел раненый выехать из Крехова, как он тут же, на перекрестке двух дорог, скончался от внутреннего кровоизлияния. На этом же перекрестке была вырыта могила, где генерал Федченко и нашел вечное упокоение»¹.

Осень 1914 г.

Осенью 1914 г. центр тяжести боев на Русском фронте сместился в Польшу. В ходе Варшавско-Ивангородской операции русской армии удалось остановить врага, стремившегося защитить Силезию и оказать помощь австрийским армиям, отступавшим после неудачной для них Галицийской битвы.

Добиться положительного результата в этом крупном сражении получилось, помимо прочего, благодаря своевременно прибывшим с Дальнего Востока сибирским дивизиям. Одной из них была 1-я Сибирская стрелковая дивизия, 2-й бригадой в которой командовал генерал-майор Владимир Иванович Жуковский. Сразу после прибытия на фронт под Варшаву, в конце сентября 1914 г., 1-й Сибирской стрелковой дивизии пришлось участвовать в упорном сражении под Пясечно, которое закончилось отступлением немцев.

¹ Рерберг Ф.П. Десятый армейский корпус на полях сражений первого периода Великой войны // Дом русского зарубежья имени А.Солженицына. Ф. 1. Д. 77. С. 61.